

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПСИ-ОН

18+

КНИГА ПЯТАЯ

ЕВГЕНИЙ НЕТТ

Евгений Нетт

Пси-ОН. Книга V: Финал

<https://litres.ru/74642003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артура Геслера больше нет. Отказавшись от человечности, Он окончательно перестал быть собой, растворившись в близком к абсолютному знании и подавляющей мощи. Но в нём осталось что-то, что не позволило ему просто избавиться от неидеального мира, создав новый.

Что-то, чего нет у Него, но чем обладал Геслер...

Это финал истории о Лжебоге.

Содержание

Глава 1. Последний шанс.	4
Глава 2. Откровения.	17
Глава 3. Закулисье.	30
Глава 4. Там, где никогда не заходит солнце.	43
Глава 5. Судьба, решающаяся посреди выжженной равнины.	55
Глава 6. Ночной штурм.	68
Глава 7. Вмешательство.	81
Глава 8. Явление народу.	91
Глава 9. Не Востоком единым.	101
Глава 10. Бойня.	115
Глава 11. Последний Рубикон.	130
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Евгений Нетт

Пси-ОН. Книга V: Финал

Глава 1. Последний шанс.

Артур Геслер изменился, а вместе с ним изменения ждали и весь мир.

Планету трясло и лихорадило, перемалывало в фарш, словно свалившегося прямо в жернова зазевавшегося рабочего. Но её трясло не только физически, ведь что такое «чёрная дыра» посреди океана на фоне охватившей весь мир волны недомоганий?

Алексей Второй заседал в окружении множества подчинённых и терминалов, собирая информацию, поступающую со всех частей Земли. И чем дальше заходил непонятный процесс, тем хуже всё становилось.

Сначала под удар попали способные телепаты. После – слабосилки. Следом пошли псионы с зачатками внезапно раскрывшихся телепатических способностей. А за ними – те, кто телепатических способностей не имел вовсе. А окончательно всё рухнуло, когда аномалия неизвестной природы дотянулась и до обычных людей. Миллионы, десятки и сотни миллионов на себе прочувствовали, каково это – когда тебя изучает нечто, находящееся за гранью осознаваемого чело-

веческим разумом.

Воронка поглощала всё, и в какой-то момент вгрызлась в западное побережье Африки. Местные правительства все как один вопили, по всем существующим каналам умоляя соседей по земному шару о помощи, но мало кто вообще счёл нужным откликнуться: когда неясен финал разворачивающегося представления, в большой политике становится не до добродушия и сострадания. Сам Алексей Второй смог поднять лишь ряд размещённых в Африке локальных гарнизонов, отправив «в помощь» стратегическим партнёрам, но этим и ограничился.

И даже так, счёт спасённых на одного «лишнего» псиона шёл на тысячи. Ни техника, ни обычные люди не могли сбежать от стремительно расширяющейся аномалии, и только сильные одарённые обладали возможностями хоть как-то перемещаться в опасной зоне.

«Чертовски плохо то, что в том регионе традиционно мало псионов. Сотни тысяч жизней...». – Хозяин Трона сцепил зубы, глядя на обновляющуюся в реальном времени карту. К счастью, воронка в какой-то момент перестала расти ввысь, так что прямо сейчас все, кто имел такую возможность, готовили «долгоиграющую» воздушную технику. – «Но что, если Он не остановится? Что, если это тот самый финал нашей борьбы?...».

С каждым часом вероятность благоприятного исхода таяла, и Алексей Второй успел четырежды пожалеть о не отдан-

ном ещё тогда приказе об устранении. Снова.

Но каждый раз, вспоминая тот момент, когда Артур Геслер стоял перед ним – не как чудовище, не как спаситель, не как Лжебог, а как нечто промежуточное, живое – Император вспоминал и другое. Надежду. Надежду на то, что уж эта-то фигура склонит чашу весов в пользу его Империи.

И теперь эта надежда истаяла дымкой, смешавшейся с гарью от охвативших мир пожаров.

Геслер уже не был человеком. Возможно, и тогда он уже был им не в полной мере, что теперь Алексей Второй понимал в полной мере. А после событий у разлома «Альфа-4», по всей видимости, он стал чем-то большим. Или наметил курс на это становление, вознамерившись обратиться не Богом, но новой природной силой, обладающей... целеполаганием, пожалуй.

Но чем для него стало человечество, и учтено ли оно в Его планах?

– Сообщения от исследовательских судов типа «Гелиос» номер четыре, семь, двенадцать, двадцать один перестали поступать. Вероятно их полное уничтожение на границе воронки. – Офицер связи со мнимым спокойствием отрапортовал об очередной волне потерь. Люди, военные и учёные, даже пилоты-гражданские, мобилизованные на благо своих родин – все они летели туда, чтобы подарить остальным хотя бы шанс на спасение.

И умирали сотнями ежеминутно.

Император сжал подбородок пальцами, нахмурился.

На мгновение весь зал погрузился в звенящую тишину, нарушаемую лишь гудением систем фильтрации и щелчками кнопок с тумблерами. Даже людское дыхание утонуло в этом накрывшем помещение оцепенении... но всего на мгновение.

– Лжебог не вмешается?

Император крепко сжал веки. Выждал секунду. Отрывисто бросил:

– Это и есть Лжебог.

Но откровение не прервало работы отлаженного механизма передачи данных. Вновь зазвучали голоса, тревожные и спокойные. Вновь стали пополняться списки потерь, озвучиваться добытые жертвующими собой героями данные. И пока всё указывало на то, что воронка фактически не расширялась, и её эпицентр сохранял свои размеры и форму. А вот эхо того, что происходило там, растекалось, словно цунами, бессердечное, беспощадное, неостановимое и лишь набирающее скорость.

– Ваше Величество, приходят сообщения о локальных катастрофах в южных регионах империи. Человеческий фактор, люди массово теряют сознание.

– Меры приняты?

– Так точно, Ваше Величество. Все возможные.

– Тогда больше об этом не сообщать вплоть до существенного изменения ситуации. Что от группы Архонта?

– Они самостоятельно опознали в аномалии нечто разумное, Ваше Величество. Предположений касательно личности нет, агрессии оно не проявляет, но даже пассивное присутствие и внимание представляет огромную угрозу.

«А ведь не все подвергаются ментальному давлению с его стороны. Как минимум, часть наших людей вблизи воронки ещё жива и здорова. Но какой критерий выборки?..».

Не хватало времени. Катастрофически. Хозяин Трона обладал доступом к лучшим умам Империи, а значит и почти всего человечества. Он и сам был тем, кто мог проанализировать что угодно, определив проблему даже в чём-то незнакомом. Но не тогда, когда объёмы информации колоссальны и разрознены, а счёт идёт на часы.

– Пусть через телепатов из нижней группы попытаются узнать больше. Допустимые значения потерь – до сорока процентов. О моих догадках никого не информировать.

– Будет исполнено, Ваше Величество...

Подписав своими руками приговор для массы ценных телепатов низких рангов, Алексей Второй на секунду ушёл в себя, разгоняя разум ещё сильнее, жертвуя здоровьем в пользу удовлетворения сиюминутных потребностей в ускоренном мышлении. Поднесённый к лицу платок расцвёл пятнами алой крови, но мужчина не обратил на это внимания: пока он жив, любые последствия ликвидируют биокинететы. А доводить до собственной гибели он не желал. Не сейчас, когда власть аристократии показала свою неэффективность,

рассыпавшись на осколки при появлении глобальной, задевающей всех и вся угрозы.

Тихо пискнул звук входящего сообщения от имперских аналитиков. Высшая степень важности. Император моргнул – и заскользил взглядом по тексту, обновляющемуся на экране с огромной, соответствующей скорости мышления Хозяина Трона частотой. Его левая рука спустя пару секунд заплясала над панелью управления, в то время как правая крепче сжала подлокотник кресла.

На основном проекторе обновилась окрашенная в алые с чёрным цвета голограмма региона. Воронка, это округлое, вращающееся всепожирающее пятно было столь черно, что от неё невозможно было оторвать взгляда. Но интерес представляла не голограмма, пусть и очень точная, а то, что удалось зафиксировать вблизи её несколькими минутами ранее.

Хозяин Трона жестом сдвинул таймлайн голограммы, и взглядом развернул сразу несколько пиктограмм, подсветившихся в разных точках на границе воронки. Его взгляд надолго прикипел к экранам, прежде чем мозг телепата шестого ранга сформировал нечто, похожее на реальный вывод: структура воронки не просто нарушала привычные представления о физике, нет. Она вообще отказывалась подчиняться хоть каким-то законам, сотрясая основы привычного людям мироздания.

Пространство, оказывающееся подле воронки, не искривлялось и не расщеплялось на энергию. Оно сдавалось. Усту-

пало чудовищному напору, переставая быть собой. Камень, металл, вода, воздух – они не сгорали, не исчезали, не разбирались на составляющие. Они отказывались. Отказывались быть тем, чем являлись. Разрушались на концептуальном уровне, теряя свои свойства от и до.

Камень переставал быть твёрдым, вода – жидкой, а свет – светом. Они выцветали, изменялись и стирались в ничто за считанные мгновения, словно кто-то в огромной книге нашёл «лишние» страницы и постепенно вырывал их.

И чем больше Алексей Второй смотрел на эти кадры, чем больше скользил по таймлайну, чем больше пропускал через себя записей, тем больше понимал – эти краткие минуты дали ему в понимании псионики как явления больше, чем долгие годы тренировок до этого.

Понимание это можно было счесть губительным, ведь даже разум Императора дрогнул от ужасающего, сотрясающего фундамент человеческого существования осознания: всё сущее – это иллюзия. Что человек, материя, история, подвиги и эмоции – лишь появившаяся на миг клякса на листке, который Геслер больше не считал чем-то значимым. И это пугало куда сильнее, чем какое-то там «стихийное» пси-явление.

– Ваше Величество! Сообщение с «Гелиоса-1». Телепат четвёртого ранга, Сергей Милославский, утверждает, что в момент поглощения аномалией сразу нескольких гражданских танкеров он слышал голос. Аналитики отметили дан-

ный факт, как значимый, но...

– Включите мне запись. Живее! – Император так рывкнул на подчинённых впервые за долгие годы. Не прошло и десятка секунд, как гарнитура на ухе мужчины ожила, и из неё полились хрипяще-шипящие, трижды отфильтрованные ради достижения хоть какой-то читаемости слова.

Он думает внутри нас. (Он думает нами). Он... осмысляет. (Взвешивает!) Этот голос, он везде! Это не существо, это следствие существования! (Оно знало моё имя до рождения!) Оно...].

Запись обрывалась так же резко, как и начиналась. И Император, сжав зубы, повернулся к ближайшему оператору связи.

– Прикажете «Гелиосу-1» выйти из опасной области и двигаться прямым курсом на Москву. Незамедлительно!

– Невозможно, Ваше Величество. Сигнал «Гелиоса-1» потерян сорок две секунды назад.

– Проклятье! – Император вместо того, чтобы обрушить взметнувшийся кулак на подлокотник, вцепился в металл пальцами. – Опросить всех телепатов поблизости от аномальной зоны на предмет голосов в голове, странных образов, чего угодно!

– В процессе, Ваше Величество!..

Концентрация действий на единицу времени во дворце и не думала снижаться.

Наоборот: всё только начиналось, и люди поднимали всё

и всех, кого могли...

Тем временем в той тишине, где не было ни слов, ни звуков, ни материи, ни энергии, ни границ восприятия, Он смотрел.

Геслер – если это имя ещё что-то значило – чувствовал **ВСЁ** и **СРАЗУ**.

Для него больше не было ни «я», ни «ты», ни «они». Было Единое Целое. Система. Точка в пространстве, параллельно наблюдающая за всем вокруг и обладающая абсолютным знанием. Он видел смерть материи и развоплощение живого не как трагедию, а как временное упрощение, перемещение горсти песка из одной ёмкости в другую. А иногда, яркими вспышками среди крошечной тьмы, и как избавление для изувеченных, тяготящихся дальнейшим существованием разумов, связанных с ноосферой.

И Он слышал ноосферу. Ощущал. Воспринимал. И понимал её структуру, потому что и сам стал её своеобразной частью. Вошёл в контакт не с миром, а с силой. Не со словом, а с огнём и мечом. Пришёл подчинить и разрушить, лишить связи с мыслящими разумами – и порой путём уничтожения этих разумов, что отчаянно цеплялись за связь с общностью.

Потому что нельзя было продолжить историю человечества, предварительно не выкорчевав все сорняки.

В первые же мгновения с момента Вознесения Он осознал, что бездействие, равно как и любой мягкий вариант действия, приведёт к неотвратимому, ужасному концу для рода людского. Для расы, породившей Его. Имело ли это для Него значение?

Нет.

Но иного мнения придерживался остаточный след человеческой памяти в самой глубине Его нового сердца. Истаивающий, растворяющийся с каждой секундой, этот отпечаток или даже шрам страстно желал дать сородичам шанс. Было ли это тем, что когда-то составляло собой суть Артура Геслера, или же это правильнее было назвать Надеждой, не суждено было узнать никому из ныне живущих.

И даже Он сам не мог сказать точно, что же именно двигало Им сейчас, заставляя искать обходные пути там, где проще было бросить книгу в костёр и написать новую, правильную, идеальную и не переполненную ошибками.

Он видел многомерные ветвления возможных «судеб» – ключевых вариаций развития событий, тянущихся вдоль вектора времени. Устраивал Его лишь один «перекрёсток», начинающийся с уничтожения старой цивилизации ради создания новой, эталонной, чистой и невинной. И чем глубже он проникал в эту ветвящуюся паутину, чем больше изучал вариантов, тем яснее понимал – человечество в его нынешнем виде не достойно существовать. Слишком много дефектов. Слишком много порождённых историей «вредных при-

вычек». Людей было не спасти. Крах в ветви дальнейшего существования рода людского был неминуем.

Но вместе с тем, каждая попытка обрести идеал гарантированно уничтожала нечто бесценное и тонкое. Нечто, находящееся за гранью Его новой логики и Его понимания.

Сейчас Он был и стражем, и палачом, и архитектором, и вандалом одновременно. В Его руках старая история могла как вспыхнуть и рассыпаться прахом, освободив место для чего-то нового, так и непредсказуемо измениться. Стабильным оставалось только одно: рождение новой истории требовало не просто разрушить, но и сделать выбор.

Кого спасти, а кого – обречь на забвение.

В глубине Его сознания продолжал звучать не голос, но стойкая воля, не сдавшаяся и сопротивляющаяся обращению в то, чем Он уже должен был стать. И Он не мог не ощущать это эхо примитивной жизни, сохранившей достаточно для того, чтобы приводить свои, нелогичные и бессмысленные аргументы.

С одной стороны встало всепоглощающее знание и безжалостная логика.

С другой – уязвимая человеческая память и бесполезная эмоция.

И Он впервые задумался о том, есть ли у Него право на сомнение.

Там, где времени не существовало, где прошлое, настоящее и будущее сливались в точку, у Него пока не было вла-

сти. Как бы иронично это ни звучало, но для того, чтобы стать независимым ото времени, требовалось время. Из-за этого Он не мог выбрать однозначно правильный и сбалансированный путь. И колебался, подтачиваемый эхом остаточной человечности. Дать шанс, или сразу начать действовать правильно, логично и рационально? Поддаться тому, чего не станет спустя час, и понаблюдать за куцыми попытками спасти как можно больше «бесценных жизней», или решительно очистить «полотно»?

Это был трудный выбор, ибо что-то в Нём не давало поступить рационально. А ещё время на дистанции не имело значения, и потому Он сдался, уступив последней крупнице, жаждущей подарить человечеству шанс.

...

..

.

Он наблюдал, как остатки человеческого «я» – пережитки чувств, обрывки памяти, искажённые через призму восприятия события прошлого – сплетаются в подобие личности. Не копии. Не Артура Геслера, каким его знали и помнили.

Не призрака прошлого, а чего-то иного.

Аватара.

Он не наделил его абсолютным зданием. Не дал ему абсолютную мощь. Даже не предупредил о том, что увидел там, на перекрёстках судеб. Потому что определил в момент: всё это лишит аватара главного – того, что нельзя описать логи-

кой, и того, что Он больше не мог понять.

Аватар был рождён не из воли, но из уступки. Не из расчёта, но из сомнения. Аватар унаследовал что-то хрупкое, неокончательное, испорченное, но всё ещё живое.

И потому мог видеть то, чего не видел Он.

– Ты будешь действовать, – беззвучно сказал Он, – так, как считаешь нужным.

– А если ошибусь? – спросил Геслер, едва его «я» «открыло глаза».

– Ты обязательно ошибёшься.

– И что тогда?

– Ты сам ответишь мне на этот вопрос.

– Почему?

– Не мне решать судьбу тех, о ком ты так беспокоился. Не теперь.

Он отвёл бы взгляд, если бы у Него остались глаза.

А Аватар, воплощаясь в материальном, шагнул в мир.

Глава 2. Откровения.

– Ваше Величество, готовы доклады аналитиков по ситуации в регионе.

– Изложи, кратко. – Алексей Второй, казалось, ни на секунду не отвлёкся от экранов, по которым бежали сотни строк из докладов телепатов и целые вереницы изображений с «переднего края».

– Исполняю, Ваше Величество. В регионе резко возросла сейсмическая активность. В перспективе ожидается её распространение по всему земному шару, начиная с эпицентра: под ударом все литосферные плиты. Кроме того, объём поглощаемой объектом воды колоссален, уже зафиксированы локальные смещения водных масс. Если тенденция сохранится, мы ожидаем изменения подводных течений...

Докладчик сглотнул, продолжив.

– ... Уже сейчас возникают серьёзные трудности с доставкой к аномалии воздушных и водных судов из-за множества экстремально сильных штормов и ураганов. Все воздушные и морские сообщения, особенно межконтинентальные, экстренно приостановлены. Помимо этого, лояльная аристократия под началом Великого Князя Дмитрия Оболенского выделила силы и принимает активное участие в закрытии границ и обеспечении достаточного уровня контроля над ними. В перспективе, к нам хлынет мощнейший поток беженцев в

истории уже в течение нескольких суток...

– Выделите в помощь князю первую и вторую гвардейские группы. – Император принял решение незамедлительно. – За моим приказом. Границы необходимо укрепить и удерживать любой ценой.

Того, что уже происходило внутри Отечества Алексею Второму было более чем достаточно. Прибавлять к этому десятки, сотни тысяч или даже миллионы беженцев ему не хотелось. Их было бы, где разместить в мирное время, и даже как использовать можно придумать, но вот назвать нынешнюю ситуацию подходящей для увеличения числа рабочей силы в стране у мужчины не поворачивался язык.

– Исполняю, Ваше Величество!

Отметив в своём сознании имя и фамилию ответственного за это сообщение подчинённого, Император вновь сконцентрировал всё внимание на экранах. Телепаты... он чувствовал, что ключ лежал именно в ментальных силах. Что те крупницы информации, собранные, порою, ценой жизни смельчаков, предпринимающих попытки «вслушаться» хотя бы в эхо пси-шторма, могли пролить на ситуацию свет.

Но лично в это лезть он не торопился, понимая, что некий шанс не стоит обезглавливания его Империи. Владимир не сможет быстро собрать нити управления, случись им выпасть из его рук, а значит гегемон окажется в очень уязвимом положении. И одно дело – если коллапс не остановить, и человечеству грозит неотвратимая гибель. И совсем другое

– если аномалия схлопнется, и его государство окажется под ударом соседей, не торопящихся бросать все силы на изучение воронки.

«А чего они ждут все и так, я надеюсь, понимают» – промелькнула мысль в голове Императора перед тем, как всё его естество ощутило... что-то.

Это не походило на колоссальное искажение реальности, как в случае с моментом образования воронки. Но и обычным пси-воздействием нечто не являлось. И из присутствующих в помещении заметили это, насколько разогнавший скорость мышления Император мог судить, только по-настоящему способные псионы: высокого ранга или исключительного телепатического таланта. Все они разом напряглись, словно в ожидании удара.

А в следующую секунду пространство дрогнуло, и посреди зала всколыхнулась поглощающая свет точка.

Изящные потолки в ту же секунду вздрогнули, выпуская массивные бронеплиты, отсекающие потенциальный источник угрозы от Императора и его приближённых. Псионы-телохранители окружили Алексея Второго барьерами и собственными телами, и даже некоторые операторы повскакивали со своих мест, озираясь и не понимая, что это за гнетущее ощущение, давящее и свербящее в самом мозгу.

– Ваше Величество, ход готов!

– Отставить. – Император гордо выпрямился, глядя в бронированную переборку и видя куда больше, чем окружаю-

щие. – Не стрелять. Опустить барьеры.

Не прошло и пары секунд, как прямо сквозь переборку просочилось нечто подрагивающее и чёрное, как сама ночь. Оно уже приобрело форму объёмного человеческого силуэта, и остановилось в нескольких метрах от Императора. Телохранителей и стражей дворца не обнадёжили слова Хозяина Трона. Поэтому они хоть и не демонстрировали агрессию слишком уж явно, но всё равно были готовы в любое мгновение пустить в ход всё, что имели: пули, холодную сталь и псионические силы. Ни у одного из людей тут не было даже малейшей крупицы уверенности в возможности победить, потому как чем дольше перед Императором стояло это нечто, тем чётче становилось осознание того, что оно контролирует всё вокруг.

И ярче всего это ощущали сильные псионы.

Такие, как Алексей Второй.

– Что ты такое? – Хозяин Трона действовал аккуратно, так, словно перед ним была живая ментальная бомба, готовая на любое телепатическое касание отозваться разрывающим разум на клочки взрывом. И потому он смог составить некоторое представление о незваном госте, но не установить с ним контакт.

В ментальном плане тот ничем не отличался от бетонной стены, но при этом создавал вокруг себя фон, присущий живым существам.

– Я? – Существо подняло руку, взглянув на неё, будто уви-

дев в первый раз. И вместе с тем пространство вокруг пришло в движение: подле тьмы закружилась простая и понятная материя, подчинённая чужой воле. Кости, кровь и плоть, неясные жидкости и вкрапления появлялись из ниоткуда, в крошечном мясном вихре формируя человеческое тело.

Но это люди поняли лишь спустя десяток секунд, до этого момента успев всерьёз перепугаться, словно уже произошедшего для этого было мало.

Жуткая, противоестественная и невозможная картина, представшая перед ними, была по психике достаточно сильно, чтобы самый впечатлительный из присутствующих операторов кулем свалился на пол, потеряв сознание. А псион, не выдержавший и попытавшийся атаковать неизвестное существо, застыл недвижимым памятником самому себе, в то время как его шпионическая манипуляция бессильно разбилась об абсолютный контроль реальности того, что предстало перед людьми.

И только Алексей Второй сохранил достаточное самообладание, чтобы, глядя в оформившееся лицо «неизвестного», прищуриться:

– Геслер...

– Нет. – Ответ был дан незамедлительно, едва аномалия сформировала вокруг тела Артура Геслера привычное Лжебогу облачение. – Я – не он.

Хозяин Трона невесело усмехнулся, качнув головой и опустившись в операторское кресло: он представлял себе

возможности Лжебога, и понимал, что здесь и сейчас они могут хоть на атомы разложиться, но даже не поцарапают этого монстра.

– Правда ли? Тогда зачем ты принял его облик?

– Потому что я – это всё, что от него осталось. Я – последняя надежда человечества, Император. – Последним на лице Лжебога сформировался его шлем с пока что открытым забралом.

И только тогда схлынуло охватившее всех и вся кроме Алексея Второго оцепенение.

По всему помещению начали раздаваться шепотки. «Он вернулся», «это иллюзия», «мы спасены!» повторялись чаще всего. Люди обрели надежду, потому как в их глазах только Лжебог ассоциировался с невозможным.

Император ещё раз обвёл взглядом своих подчинённых, видя в лицах и мыслях страх, оцепенение, благоговение и, конечно же, надежду. Сам же Хозяин Трона чувствовал лишь пустоту, сиречь затишье перед бурей. Ему хотелось верить в то, что Лжебог спасёт положение, да только слова «того, что от него осталось» внушали определённые опасения.

– Ты остановишь аномалию? И откуда она вообще взялась? – Император спросил несмотря на то, что у него и так были определённые предположения на этот счёт. Основательные, подкреплённые фактами предположения.

– Всё успокоится само через двое суток, не больше. А взялась... – Не-Геслер ухмыльнулся, и от этого с души Алексея

Второго словно камень свалился. Такая простая, но здесь и сейчас бесценная демонстрация человечности пришлась как нельзя кстати. — Он шагнул дальше, не видя других вариантов. И это — часть превращения.

— Это катастрофа планетарного масштаба. — Император нахмурился. От его взгляда не укрылось то, что и он сам перестал слышать своих людей, и они, судя по всему, перестали слышать его. Их рты открывались, они что-то обсуждали, а телохранители сновали вокруг, словно осматривая невидимую стену. — Миллионы уже погибли, и за последующие дни смертей станет ещё больше. На порядки больше.

— Станет ли тебе легче, если я скажу, что оптимальный и самый эффективный вариант спасения человечества заключается в его уничтожении и воссоздании с нуля, Император? — Не-Геслер чуть наклонил голову, удовлетворившись произведённым эффектом. Алексей Второй хоть и удержал лицо, но вот его мысли, казалось, собеседник видел от и до. И в них ярко вспыхнула искра страха. — Вы в ловушке. Ноосфера охватила почти всё, что могла. Концентрация Пси постоянно растёт, как и частота образования разломов. Планета с таким населением и числом псионов обречена. И Он считает, что невозможно сохранить человечество в прежнем виде.

— И тем не менее, ты сейчас здесь, «последняя надежда человечества».

Не-Геслер кивнул:

— Время не имеет значения, и Он дал мне шанс всё спа-

сти. Но в этот раз я не буду столь же разборчив в методах. «Мягкая» стратегия уже доказала свою бесполезность.

Стоило ли говорить, чего Императору стоило удержать в узде эмоции, когда в мыслях промелькнули всего лишь предположения касательно того, на что способен Лжебог, отказавшийся от принципа сохранения максимума жизней?

– Значит, если ты провалишься, нас ждёт забвение? – Не спросил, а скорее утвердил мужчина, на пару секунд крепко сжав веки. – И в каком виде? Как это должно произойти?

– Ноосфера, Император. Это глобальное, относительно-разумное пси-явление, способное к осознанному совершению определённых действий, но не способное к долгосрочному планированию. – Не-Геслер посчитал необходимым внести некоторые уточнения, без которых дальнейший диалог был бы бесполезен. – Именно ноосфера стала причиной появления Пси, и по её же вине псионов становится всё больше. Всё это одновременно провоцирует и её рост, и рост концентрации Пси в мире.

– Значит, корень всех бед – ноосфера?.. – Задумчиво пробормотал Император, вспоминая услышанные недавно слова телепата, «за которого думали», и «чьё имя знали до рождения». А ведь после у него набралось ещё с полсотни аналогичных прецедентов по всей планете: благо, другие лидеры в большинстве своём делились информацией.

– Верно. Прямо сейчас Он берёт ноосферу под контроль, и, соответственно, вскоре сможет одним волевым усилием

выжечь разумы каждого человека на планете. Как могла и ноосфера, но не считала нужным.

Алексей Второй вздрогнул, а спустя секунду – поймал спокойный, даже равнодушный взгляд Не-Геслера, который всё ещё «отходил» от бытия чем-то несравнимо большим, нежели человек.

– Есть способ отрезать себя от ноосферы?

– Ты – сможешь. Остальные... – Лжебог покачал головой.
– ... едва ли. Они просто не выдержат последствий отделения разума от ноосферы, которая в значительной мере интегрирована с каждым человеком.

Император едва заметно поджал губы:

– И чем чревато это «отделение»?

– Деградация когнитивных способностей, снижение эмпатического восприятия, проблемы с психикой. Опытный телепат, контролирующий свой разум, справится со всеми проблемами, но полностью от последствий это его не избавит.
– Не-Геслер повернул голову, впериw взгляд в ворвавшегося в зал цесаревича Владимира. – Ноосфера, Император, существует с тех самых пор, как вспыхнула первая искра человеческого разума. Она шла рука об руку с человечеством, и стала неотъемлемой его частью. Ментальные проблемы исследователей, посещающих «ту сторону» разлома, связаны именно с временным оставлением привычной среды, потерей связи с ноосферой.

– Ты можешь его впустить? – Алексей Второй кивнул

на сына, который прямо сейчас, казалось, ощупывал некую невидимую преграду перед собой. – Вы ведь были дружны, верно? И если я погибну, именно ему перейдут бразды правления Российской Империей. Он должен быть в курсе происходящего, Артур.

– Если ты считаешь это необходимым. – Не-Геслер кивнул, и Владимир в ту же секунду как бы провалился на «их» сторону.

– Отец! Артур?.. – Он вскочил на ноги, переводя взгляд с Императора на Лжебога и обратно.

– Не суетись, Владимир. Стой и слушай. – Строгим, с отчётливой прохладцей голосом произнёс мужчина. – Благодарю, Артур. Значит, ты утверждаешь, что это ноосфере мы обязаны псионическим способностям и приближающемуся апокалипсису?

– Корректно. – Не-Геслер кивнул. – Ноосфера стремится расшириться, эволюционировать. Для этого ей нужно не просто увеличить число разумов на планете, но и вывести их на качественно иной уровень. Это инстинктивное стремление любой ноосферы. И псионика как способность стала «стандартом» для ноосфер на множестве миров, погубив их в итоге. Разломы ведут на планеты, пережившие такие «апокалипсисы». Разумная жизнь на них практически сгинула, но, при желании, там можно нащупать разлагающиеся «трупы» местных ноосфер. Это факт, не предположение.

– Единственный способ остановить это – уничтожить че-

ловечество?

Услышавший это Владимир вздрогнул, а глаза его широко распахнулись.

– По Его мнению – да. Но Он властен только над Землёй, Император. Пока что – только над ней. Пройдёт много времени, прежде чем это изменится... и к этому моменту человечество сгинет естественным образом, не выдержав существования в условиях высочайшей концентрации Пси.

– Он ведь продумал все возможные варианты, да?.. – Спокойствию мужчины могла бы позавидовать даже монолитная скала.

– Куда больше вариантов, чем ты можешь себе представить.

– И тем не менее, он дал тебе возможность попробовать.

Владимир переводил взгляд с отца на друга, понимая слова, но едва осознавая смысл сказанного. Для него всё это звучало дико, но он был вынужден принимать всё услышанное на веру и запоминать, чтобы в дальнейшем как следует это обдумать.

– Дал. – Не-Геслер опустил веки на секунду, едва заметно кивнув. Он словно подбирал слова, что само по себе было нонсенсом для кого-то с его скоростью мышления. – Дал, потому что Он – не человек даже в малом. И Он не видит того, что можем увидеть мы. При этом Он зрит куда глубже, и Его даже можно назвать Абсолютной Рациональностью. Но время для него не имеет значения, и ради разрешения внут-

ренных противоречий он создал меня.

– Создал... тебя?

– Артур Геслер умер, позволив появиться Ему. Но осколки человека, сохранившиеся в Нём и не успевшие раствориться, теперь перед вами. Последний шанс и последняя воля, если хотите...

– Что значит – умер? – Владимир спросил тихо, но отчётливо и даже немного зло.

– Владимир! – Император отреагировал даже чрезмерно резко, повернув к цесаревичу голову и прищурившись. – Молчи.

Не-Геслер поднял ладонь, как бы прося Императора придержать коней и не быть столь скорым на расправу.

– Он отказался от человечности ради спасения человечества. Других вариантов не было. – Не-Геслер пристально посмотрел на цесаревича, встретившись с ним взглядами. – Ты сам поступил бы иначе, понимая, что счёт идёт на годы?

Владимир сглотнул внезапно вставший поперёк горла ком.

– Нет.

– Вот и он не смог. – Не-Геслер вновь повернулся к Императору. – Я собираюсь сделать всё для того, чтобы у человечества появился шанс. И надеюсь на то, что ты поможешь мне в этом. Как телепат, как влиятельная фигура, как лидер и как политик.

Алексей Второй усмехнулся, но в этой усмешке не было

радости или предвкушения. Лишь чрезвычайное напряжение и ощущение близости чего-то мрачного и жуткого.

– И каков твой план?..

Глава 3. Закулисье.

– И каков твой план? Взятие человечества под контроль? Геноцид «лишних» людей?

Морально Император был готов к худшему, но при этом намеревался сделать всё, что угодно, дабы его Империя прошла через очередной кризис с меньшими, чем у остальных, потерями. Он не задавался вопросом касательно того, может ли «не-Геслер» устроить нечто подобное, потому что понимал – на это был способен даже Лжебог, а «не-Геслер», судя по собственным ощущениям телепата шестого ранга, стал ещё могущественнее.

Единственной проблемой могло стать время, но почему-то мужчине казалось, что месяцы и годы будут последним, что хоть немного взволнует «то, что осталось».

– Геноцид – это радикальное и недостаточно эффективное решение. – Лжебог качнул головой, сложив руки на груди. Император отметил, что к тому действительно словно бы понемногу возвращались свойственные человеку, а не живому манекену рефлексy. – Планета уже находится на том уровне, когда ничего нельзя отыграть назад. Концентрация Пси слишком высока, и даже уничтожь я сейчас девяноста процентов людей – это не остановит надвигающийся коллапс. Разломы продолжают открываться, а оттуда к нам постоянно перетекает Пси. Закрывать их вручную – только откладывать

крах всего.

– Значит, в этом плане ничего не поменялось. – Алексей Второй на секунду сжал веки, поморщившись. – Что тогда? Освоение новых миров?

Не-Геслер хмыкнул... и кивнул:

– После того, как я возьму планету под контроль, людям придётся поступиться своими интересами и начать контролируемую экспансию. Это не панацея, и даже на девственно-чистых планетах однажды начнёт расти концентрация Пси, но так удастся выгадать ещё больше времени на поиск и претворение в жизнь окончательного решения «пси-проблемы». – Лжебог повернул голову, вперив взгляд в цесаревича. – Владимир, ты понимаешь, что услышанное тут не должно стать известно кому-либо? Если не уверен в себе, я запечатаю эту часть твоих воспоминаний.

– Я не из болтливых. – Цесаревич сглотнул, едва заметно подавшись назад. – Почему ты в первую очередь решил объявиться именно здесь, Артур?

– Это очевидно, но я всё равно отвечу. Империя – оптимальный плацдарм. Император знает меня, а я – его. Империя знакома мне изнутри куда лучше любой другой страны. А политический вес Империи и её позиция на мировой арене позволят значительно форсировать исполнение задуманного: у нас не так много времени.

– Сколько? – Император был краток.

– Первые проблемы – три года. Катастрофический их уро-

вень – семь лет. После агония планеты растянется на десятилетия. Без моего участия катастрофу можно ожидать уже через пять лет. Но я не собираюсь доводить до неё, потому как это серьёзно подорвёт шансы популяции на выживание.

– Популяции? – Цесаревич вздел бровь. – Ты говоришь о людях так, словно они для тебя просто зверьки?

– Неверно. – Уголки губ Не-Геслера чуть приподнялись, немного не дотянув до «ухмылки». – Люди – мой проект. И от этого проекта зависит, продолжите ли вы существовать как вид, или Он начнёт всё с чистого листа. Тут не до игры в мораль, Владимир.

Слово взял Хозяин Трона.

– И чего ты хочешь от меня? Я не смогу просто передать тебе власть, даже если очень захочу. Будут восстания, бунты, появится сопротивление...

Лжебог качнул головой и, подняв руку, жестом призвал Императора к тишине.

– У меня есть опыт управления крупными структурами «из тени», и я собираюсь масштабировать его на всю планету. С тем лишь отличием, что я сам выступлю главным аргументом на тему того, почему от моего предложения не стоит отказываться, а все мои приказы необходимо исполнять незамедлительно и со всем тщанием. – Внимательный взгляд оказался направлен на Хозяина Трона, который, конечно же, понял намёк. – Если и этого будет мало, я намерен прибегнуть к точечной ментальной обработке. Есть способы сде-

лать так, чтобы заполучить лояльность и не нанести непоправимого вреда когнитивным способностям даже крепкого волей индивидуума.

Алексей Второй медленно выдохнул, позволяя себе единственный порыв раздражения:

– Значит, если мир не подчинится добровольно, ты перехватишь управление силой. Плавно. Методично. Без огласки. – Мужчина невесело усмехнулся. – А ведь многие не подчинятся из принципа.

– Всё так. – Не-Геслер кивнул. – Прольётся много крови, но весь мир не готов к правде. Паника будет слишком разрушительной, если обнародовать истинное положение дел «для всех». Аналогично и с попытками подать происходящее как божественное вмешательство. Поэтому сначала – элиты. Закулисно. Тет-а-тет.

– Ты будешь просто появляться рядом с каждым высокопоставленным политиком и разговаривать? – Уточнил Император, сделав пару шагов в сторону и опустившись в ближайшее кресло. – Буквально разговоры наедине, без телепатического контакта и демонстрации силы? Я почти уверен в том, что это не сработает.

– Главы крупнейших государств осведомлены обо мне и о том, на что я способен. Едва ли они достаточно безумны для того, чтобы сходу вступать со мной в прямую конфронтацию, Император. Штаты, Единый Китай, Индия, Бразилия, крупнейшие страны Европы, Панарабский блок – по мень-

шей мере первые несколько дней они будут наблюдать, но не действовать. Тем более я предоставлю им не только ультиматум, но и своего рода выбор, подкреплённый фактами, которые можно будет проверить даже с возможностями человечества.

Владимир не сдержал нервной усмешки:

– Только стран – сотни, Артур. Даже если крупнейшие со своими «вассалами» примут тебя всерьёз, то остальные обязательно пойдут в противоход.

– Тогда мне придётся напомнить людям, почему во все времена правили и направляли по праву сильного. – От тона, которым это было сказано, холодок пробежал даже по хребту Императора. Вновь сжав веки, мужчина спустя секунду задал следующий вопрос.

– И какой у тебя к ним посыл?

Аватар прищурился:

– Предельно простой. «Подчиняйтесь, и будете спасены. Сопровитляйтесь – и потеряете всё». Естественно, до каждого эта мысль будет донесена в том виде, в котором конкретным индивидуумам её будет легче принять.

В отрезанной ото всего остального мира области повисло тяжёлое молчание. Что Алексей Второй, что Владимир не продемонстрировали ни малейших признаков удивления или напряжения, но в их же головах Аватар отчётливо видел страх, опаску и даже зачатки начавшего вырисовываться ужаса.

– Даже у малых стран есть то, с помощью чего они могут доставить немало неприятностей. Особенно если решат ударить первыми. – Император в силу своих способностей продолжал размышлять так же трезво, как размышлял бы сидя в своём защищённом кабинете.

– Ядерное оружие? Пси-атаки? Прямая интервенция? – Аватар пожал плечами. – Я – не страна, и даже не корпорация. По мне нельзя ударить первым, если я сам того не позволю. А спровоцированная моим появлением агрессия стран третьего мира по отношению к соседям – это допустимый риск.

– В худшем случае умрут миллионы, Артур. – Владимир нахмурился. – Я понимаю, что на фоне того, о чём ты говорил, это – считанные крохи, но всё же...

– Я не Он, друг мой. И я не вездесущ. В моих силах уничтожить сколь угодно много недовольных, одарить своих последователей или открыть врата к иным мирам. Но объять всё – нет. – Аватар смотрел на цесаревича столь пристально, что тот в какой-то момент отвёл взгляд. – Я соберу ядро, стержень своей власти из лучших среди лояльных. Политики, учёные, логики, социологи, псионы, военные, управленцы – новая архитектура правления будет опираться на людей, а не только лишь на меня.

– И ты действительно позволишь нам что-то решать? – У Императора не возникло даже мысли о том, что он не войдёт в этот «круг избранных».

– У меня нет большого желания лично контролировать всё, что не относится к моему плану напрямую, Император. И это значит, что лояльным мне людям придётся самолично управлять шаткой, только что созданной всепланетной структурой, пока я буду заниматься вопросами, требующими моего личного участия.

– Это обнадеживает. – Алексей Второй медленно кивнул.
– В таком формате у людей будет куда меньше причин для недовольства.

– Ты переоцениваешь человечество. – Аватар усмехнулся. – Я ожидаю серьёзного сопротивления таким переменам. Людям свойственно поступать логике вопреки.

– И когда ты планируешь начать?

– Мы уже ведём переговоры, Император. Я в деталях объяснил тебе, что, как и почему. Теперь выбор за тобой: принятие нового мира и оказание мне содействия во всём, или смерть. Во втором случае Империи будет тяжело, но Владимир справится, пусть и не без потерь. – Артур дал и Императору, и его сыну понять, что он продумал наперёд оба варианта. – Твой выбор?..

Дворцовая стража, советники, сильнейшие псионы из находившихся в Москве – все они сейчас собрались вокруг монолитной чёрной полусферы, словно вырвавшей часть ре-

альности, но при этом выборочно сохранившей связь со внешним миром. Там, внутри, потреблялось электричество, через барьер циркулировал воздух, но вот узнать, что там происходит, или втолкнуть туда хотя бы одну молекулу постороннего вещества людям не удавалось.

Это была зарождающаяся паника, сдерживаемая выдержкой и осознанием того, что утрата остатков контроля приведёт к катастрофе.

– Что остальные? – Мужчина в минималистичном костюме обратился к вставшей от него по правую руку высокой женщине с длинными чёрными волосами, облачённой в адаптированный мужской парадный комплект. Где надо он был заужен, где надо – расширен, так что смотрелось это даже органично. Правда, знающие люди всё равно видели в этой одежде дерзкий вызов всему обществу.

– Седьмой и девятый члены совета не отвечают. Остальные слишком заняты на местах, чтобы вникнуть в проблему. Я проинформировала их, но все доверили решение этого вопроса нам...

– Доверили? Решение этого вопроса? – Лицо мужчины исказилось то ли в гневе, то ли в смятении и растерянности. – Неведомая ересь, которую опознали как Артура Геслера, сиречь Лжебога, заперлась с Императором и цесаревичем в непроницаемом барьере! Согласно приказу Его Величества, это уже должен быть «Чёрный Скипетр»!

– Скипетр? А чего сразу не «Мёртвая Рука», Розгов? –

Женщина поморщилась. – После отдачи любого из этих приказов ничего будет уже не переиграть. Я считаю, мы должны дать Его Величеству ещё немного времени. Он не счёл Лжебога угрозой, а значит мы должны действовать исходя из этого решения.

– Он не счёл его угрозой – или просто не успел отдать приказ? Мы не знаем, что именно происходит внутри, и не взял ли Лжебог Императора под контроль заранее...

– Ты в своём уме? – Советница вскинула бровь, когда Розгов шагнул ближе к полусфере, всматриваясь в её поверхность, будто надеясь различить там хоть что-то. – Если Лжебог может «взять под контроль» телепата шестого ранга, сильнейшего на планете, то с нами он справится словно по щелчку пальцев. Банально вывернет мозги наизнанку, если ещё этого не сделал.

– Если только аккуратно. – Мужчина коснулся виска. – Не ощущаю следов какого бы то ни было вмешательства... но ты права. Вот только если мы лишимся Императора и цесаревича разом, анархия наступит в течение нескольких часов. Никто не поверит в то, что в нынешней ситуации Его Величество перестал выходить на связь из-за каких-то дел, прежде контролируя каждый важный аспект противостояния аномалии.

– Тогда и активируем «Скипетр». Но не раньше. – Женщина ответила хладнокровно, но пальцы её убранных за спину рук подрагивали.

Розгов закусил губу, понимая, что логика на стороне первой советницы. Он и сам прекрасно знал, как много сейчас завязано на фигуре Хозяина Трона. Внешняя политика, система сдержек и противовесов в полном змеевом чане под названием «аристократия» – всё это, случись Императору исчезнуть, выйдет из-под контроля.

Нужен был чёткий план по передаче власти наследнику, вдобавок растянутый минимум на несколько лет при полнейшем содействии со стороны самого Императора. Иначе военная и бюрократические машины забуксуют, и от них не будет никакой пользы ещё очень долго. Слишком много в Российской Империи образовалось центров влияния, и слишком малым стал вес партии лоялистов внутри страны.

А без наследника? Хаос и разруха. Все внешние регионы, присоединённые в последние десятилетия, отколются, сами или с помощью «заграничных друзей» – там ещё сильны настроения тех, кого привели к послушанию силой. Аристократия тоже наверняка сорвётся с поводка, и примется делить Империю, споря о том, в чьих жилах большая доля крови правящего рода. И плевать им будет на «запасных» наследников, которые станут всего лишь знамёнами для различных фракций, не более того.

«Впрочем, пока растёт воронка, всё это не столь важно. Критичными долгосрочные планы станут лишь в том случае, если будет, кому и что делить...».

Стоило ли говорить, что Розгов выдохнул, когда чёрная

полусфера исчезла, втянувшись в пол, а Император и цесаревич оказались живы и здоровы? Подле них стоял Лжебог собственной персоной, в оставляющем открытым лицо шлеме, невозмутимый и источающий нечто подавляющее, заставляющее дрожать даже сильнейших псионов в помещении. Цесаревич оказался по правую руку, и был он белее мела, а на молодом лице отражалась сосредоточенная работа мысли.

А сам Император, как и всегда, представлял из себя ледяную глыбу, воплощающую спокойствие, уверенность и власть, слитые воедино и возведённые в абсолют. Казалось, что он всецело контролирует ситуацию, и одного лишь этого хватило, чтобы вселить в души людей надежду.

– Приказ по Империи будет отдан в течение ближайшего часа. – Алексей Второй повернулся к ближайшему офицеру, удостоив советников лишь мимолётного взгляда. Но это только пока. – Поднимите вторую резервную линию международной связи. Для начала – с Единым Китаем. И приготовьте резервный зал, я перемещусь туда.

– Ваше Величество! – Розгов сделал шаг вперёд. – Разрешите задать прямой вопрос. Вы... в сознании?

Император задержал на нём тяжёлый взгляд, без гнева, но с такой незримой силой, что советник машинально опустил глаза. Он понял, что вопрос был не к месту, но сказанного не воротишь.

– Более чем, Розгов. Мы с цесаревичем в полной мере осознаём произошедшее. И подтверждаем: Лжебог – не враг ни

нам, ни человечеству в целом. — Его взгляд заскользил по лицам собравшихся, тех из них, кто рискнул оторваться от дела и смотрел сейчас на Хозяина Трона. — За работу! Несмотря на то, что воронка скоро канет в лету, нам предстоит ещё многое сделать...

— Мы рады, что вы живы и здоровы, Ваше Величество. — Советница опустила голову чуть ниже.

— Это взаимно. — Алексей Второй кивнул. — Совет соберётся в полном составе сегодня вечером. Кто не сможет присутствовать лично — отметится удалённо. Будьте готовы.

— Будет исполнено, Ваше Величество! — Ответили советники в унисон.

Император двинулся к выходу из зала, кивнув одному из старших офицеров. Тот тут же занял место Хозяина Трона, перетянув на себя все его «оперативные» обязанности. И хоть этот человек не был телепатом шестого ранга, свой третий он получил не за красивые глаза, и в управленческом деле ему не было равных.

— Артур, сейчас я выйду на связь с Единым Китаем. Если повезёт — с его лидерами, но в нынешних условиях они могут оказаться «вне зоны доступа». На подготовку «плацдарма» для твоего выступления мне потребуется несколько часов. Это максимум, что я могу сейчас гарантировать. — Шаги мужчины эхом разносились под сводами дворца, ибо на пути Императора не встречалось никого. Даже слуг он при помощи телепатии превентивно отваживал прочь, чтобы те не

могли слышать лишнего. Цесаревич же, торопящийся следом, поддерживал искажающий звуки барьер, гарантируя отсутствие прослушки. — На каждое государство из высшей лиги потребуется не меньше времени.

— Я понимаю, Император, и принимаю это. Как мы и договаривались, империя останется единым субъектом. Но и ты не забывай о том, что этот статус сохранится за ней только до тех пор, пока ты всецело содействуешь исполнению плана и не саботируешь его даже в малом.

— Я отлично помню условия договора. — Кивнул мужчина.
— С кого начнёшь?

Артур хмыкнул:

— Со стран третьего мира, конечно же...

Глава 4. Там, где никогда не заходит солнце.

На узкой полосе сухой прибрежной равнины, между покрытым пылью космодромом и редкими глинобитными строениями окружающего военную базу городка, воздух дрожал от зноя и отчётливо ощутимого, пронизывающего всё и вся напряжения. Над побережьем алым светом пылал закат, и далёкие тучи, линией горизонта отделённые от моря, с берега напоминали пепельную завесу, не сулящую людям ничего хорошего.

Тут, на южном выступе Калифата, на территории бывшего Йемена, ещё не ощущалась близость катастрофы, но власть имущие и те, кто имел возможность убраться подальше, уже готовились к отбытию.

Гудели движки самолётов – шесть тяжёлых бортов стояли с заведёнными моторами, готовые к вылету и ожидающие чего-то. Вокруг этих стальных монстров сновали люди в единообразной военной униформе песчаной расцветки с примечательной эмблемой, увенчанной чёрными полумесяцами, и было их столь много, что казалось, будто весь личный состав военной базы собрался в одном месте и в одно время. Мелькали и гражданские-механики, но к нынешнему моменту их тут почти не осталось: самолёты были подготовлены заранее,

а все борта, которым требовалось подняться в воздух, уже давно это сделали. Архивы, члены малого совета, важные научные сотрудники и религиозные деятели – всех их вывезли ещё ночью.

И только члены Единого Собора всё ещё толпились у взлётной площадки в окружении телохранителей и ближайших помощников. Трое мужчин в разнообразных одеждах с одинаковыми белоснежными, с золотым шитьём накидками были тут сродни яркой кляксе на бело-чёрном полотнище. Они ожесточённо спорили и разве что не ругались: один, умудрённый сединами и согнутый в спине пластами жизненного опыта, доказывал двоим более молодым что-то очень важное, срываясь на крик и не иначе как чудом удерживая себя в руках.

За его спиной недовольно морщились телохранители-псионы, которым происходящее нравилось ещё меньше, ибо лояльность их принадлежала одному единственному человеку, а горячий темперамент членов Собора мог в один миг превратить горсть тлеющих углей в кострище и бойню. Хотелось ли им убивать соотечественников, когда надо всей планетой нависла жуткая угроза? Ответ очевиден: нет.

– До Мусандама мы доберёмся напрямую, но только если взлетим в ближайшие двадцать минут. Потом на маршруте закроют небо, и придётся делать крюк. Мы не можем просто ждать! Время уходит! – Относительно молодой, сурового вида мужчина в чёрной униформе с накидкой поверх ярил-

ся сверх всякой меры, и его можно было понять. Аномалия сначала пожирала только море, а к нынешнему моменту уже не один час поглощала сушу. Несколько городов, не счесть сколько деревень и посёлков на западном побережье Африки канули в лету, а спровоцированная катаклизмом дрожь земли ощущалась даже на территории Южного Калифата.

– Если мы не дождёмся старшего советника севера, случится непоправимое. – Старик прищурился, выпрямляясь насколько позволяло тело. Его голос был хриплым, но в нём отчётливо читалась привычка командовать. – Мы не имеем права покинуть место сбора, не дождавшись всех! В противном случае мы – не Собор, а испуганные ничтожества, бегущие с корабля!

– Корабль может затонуть в любой момент, если ты не заметил! – Ответил второй из молодых, худощавый, измождённый и с не самой густой бородой. – Если ты хочешь остаться и дождаться финала – оставайся. Но мы не отдадим свои жизни, чтобы потешить твою любовь к соблюдению формальностей! Умереть достойно – честь, но умереть напрасно – великий позор!

– Умереть достойно – значит оставить после себя порядок, а не хаос! – В глазах старика сверкнули молнии. – Если мы не в состоянии поддержать даже друг друга, то что говорить об остальных?! Калифат развалится на куски! Ни пророк, ни сам Господь не простят нам этого!

Слова завязли в раскалённом воздухе. Вдали, на горизон-

те, что-то глухо грохнуло – будто обрушилась половина горы. Один из телохранителей как будто бы сжался, и рядом с ним истаяла неоформленная пси-манипуляция. Земля под ногами дрожала почти незаметно, не непрерывно, давящим, растянутым гулом. Словно шевеление мифического мирового змея, проснувшегося в недрах планеты.

– Пусть развалится! – Отрезал молодой в чёрном. – Какой прок от государства, если все его лидеры сгинут, стоя посреди аэродрома и споря?!

Старик выдохнул, втянул расширившимися ноздрями воздух и прикрыл веки, увесисто бросив:

– Ты прав. Но не понимаешь главного. Воронка продолжит расти, а сейсмические волны уже достигли Омана. Мы не сможем спастись, просто перелетев через пролив. Всё это... – Старик обвёл дрожащей рукой базу, самолёты, охрану. – ... всё это бесполезно, если мы утратим единство и даже не поймём, с чем столкнулись.

– Единство? – Переспросил худощавый с кривой усмешкой, и шагнул ближе, почти нависнув над стариком. Телохранители с обеих сторон моментально напряглись, и в воздухе разве что искры мелькать не начали. – Единство – это когда ты готов пожертвовать собой ради дела. А ты хочешь, чтобы все мы стали заложниками твоих представлений о чести. Кто знает, что стало со старшим советником Севера? Может, его уже и нет в живых, если сепаратисты решили расчистить себе место под шумок!

– Не искажайте мои слова и мотивы. – Устало, но твёрдо ответил старший. – Я прожил достаточно, чтобы понять: отступающие без плана – это не спасшиеся. Это просто следующие жертвы. Спасти себя – не значит спасти Калифат. Каждый тут клялся служить не себе, а общему дому! Или ты уже забыл, Маджид?

– Я помню. – Худощавый мужчина отступил на шаг, скрипя зубами. – Но общему дому нужны живые лидеры, а не мертвецы.

Советник в чёрной униформе прищурился, глядя на старика. И тоже не удержался от того, чтобы продолжить спор, бросив на старика недовольный взгляд:

– Мы не в зале совета, и не перед народом собираемся выступать, Джамаль. Мы в последней точке, откуда ещё можно эвакуироваться. Через пятнадцать минут нам закроют небо, и придётся делать круг, пролетая вблизи Империи. Враждебной нам, и могущей воспользоваться шансом «случайно», в царящем вокруг хаосе уничтожить парочку самолётов особого назначения. Мы можем и дальше упражняться в искусстве слова, но тогда наши тела, вероятно, уже никто никогда не найдёт, а Калифат точно разорвут на части сепаратисты и внешние враги. Зато мы сохраним честь и поступим по совести. Этого ты хочешь, Джамаль?

Худощавый с готовностью подхватил заданную линию:

– Он прав, Джамаль. Ты мудр, но все мы равны. Никто не в праве решать в одиночку. Мы оставим тут один борт, кото-

рый взлетит в последнюю минуту, чтобы успеть до закрытия неба. Если старший советник Севера не объявится и тогда, то мы ничем не сможем ему помочь. Но здесь в достатке самолётов, чтобы он мог эвакуироваться окольными путями. И, возможно, на него даже не обратят внимания в Российской Империи: одиночный самолёт может проскочить незамеченным в этом хаосе.

– Паника – естественна. Предательство – нет. – Бросил Джамаль, прищурившись. – Я верен народу и данным клятвам. Одна из них – Собор покидает страну только в полном составе. Четыре стороны света и четыре советника. Никак иначе.

– И всё же, Собор в праве большинством голосов принимать даже решения, идущие против клятв, если так нужно для блага народа. – Маджид задрал подбородок, глядя на старика сверху-вниз. – Нас двое. Ты – один.

– Вы можете лететь. Я останусь. – Старик с силой ударил своей тростью по бетонному покрытию взлётной полосы. – Возможно, так будет лучше для всех.

– Лучше? – Маджид прищурился. – Лучше для кого? Для твоего самолюбия? Для истории, которая, если мы выживем, запомнит тебя как «пример для подражания, что держался за клятвы до самого конца»? Или для тех, кто уже завтра может вдруг увидеть, что у государства больше нет руководства, и они остались одни, без шансов, без веры и без надежды? Не пытайся сделать из себя мученика, Джамаль. Это слабость.

– Я не мученик, слепцы. Я – столп. – Голос старика не дрогнул ни на йоту. – Пока я здесь, у Калифата есть будущее.

– Мёртвый советник никак не поможет Калифату в будущем, старик. – Отозвался мужчина в чёрном. Его звали Хусейн, и он был самым младшим не только в их троице, но и во всём Соборе, включая средний круг. И тем не менее, его уважали: за твёрдость убеждений, за способность ясно мыслить в критических ситуациях и за происхождение, ибо во всём совете Хусейн был единственным «выходцем из народа». – А вот твоя мудрость может пригодиться уже совсем скоро.

Старик поджал губы, отвернулся и устремил свой взгляд куда-то вдаль, словно бы за линию горизонта, туда, где тучи клубились над морем тёмной пеленой. Где воздух дрожал от затухающего жара, настолько же равнодушного, насколько равнодушным было само небо.

– Вы, юнцы, не видели, как рушились и полыхали провинции на юге, как вспыхнул Шибам, став «сердцем» сепаратистов. Они не будут ждать, пока мы доберёмся до безопасного места и наладим связь с родиной. Вы же... Всё это следствие страха. И ваша трусость питает его. – Старик опустил веки, зажмурившись. – Я зря прибыл сюда. Очень зря. Мне стоило остаться там, с нашим народом. Но ещё не поздно это исправить. Я возвращаюсь, а вы... делайте, что хотите.

Старик развернулся, и уверенным, насколько позволял возраст, шагом направился к далёким автомобилям. Вме-

сте с ним назад двинулись его помощники и телохранители, недобро зыркающие на оставшихся советников, которые гонимы гласу Юга во внуки.

– Не исключая, что это даже к лучшему. Старый Джамаль сможет на месте решить все те вопросы, которые непрососто будет проконтролировать дистанционно. – С напускным равнодушием произнёс Хусейн, глядя вслед старшему члену внутреннего круга Собора. – И народу будет легче, если они смогут знать, что не весь Собор покинул страну.

– Может, мы и правда ошибаемся, Хусейн? – Худощавый посмотрел на коллегу странным задумчивым взглядом. – Стоит ли прятаться за флагами других держав, рискуя потерять всё то, что наши предшественники большой ценой за получили в череде священных войн? Если воронка не остановится, конец так или иначе, но наступит для всех.

Хусейн молчал, и отвечать не торопился. Ветер шевелил края его накидки, а где-то за спиной пронзительно кричала чайка. Весьма уместно, словно сама природа подала резкий сигнал тревоги. Молодой советник обернулся, глядя на горизонт, но видел не море и тучи, а перекрёсток множества судеб: своей, народа Калифата, Маджида и Джамали, многих других людей.

– Трусость... – Произнёс он, будто пробуя слово на вкус. – ... это не когда ты бежишь. Трусость – это когда ты знаешь, что нужно делать, но откладываешь, бежишь от момента принятия решения со всех ног. И молишься, чтобы кто-

то другой принял решение за тебя.

Хусейн обернулся к своему собеседнику, окинув взглядом молчаливых помощников и напряжённых телохранителей.

– Мы не трусы. Но, возможно, мы... размякли, вбив себе в головы, что человеку не должно идти против катаклизма. Так привыкли к тому, что у нас есть Собор, армия, псионы и богословие, что утратили стержень, когда всё это как будто бы стало бесполезно. Из-под наших ног уходит земля, а вместе с ней – и старый порядок.

– А вместе с ними и старики. – Скрепя сердце произнёс худощавый. – Их принципы. Их ритуалы и клятвы. Их проклятые «четыре единых стороны света».

Он сказал это без ненависти, без гнева, без иронии. Его слова пропитывали лишь прорвавшиеся наружу усталость, неуверенность и страх. Даже плечи его чуть опустились, и на лице впервые за всё время появилось нечто похожее на растерянность.

– Не знаю. – Наконец выдавил из себя он. – Я не знаю, что правильно, а что нет. Мне казалось, что ответ очевиден, но сейчас... сейчас я просто хочу, чтобы у Калифата остался стержень. Что-то или кто-то, способный удержать разваливающийся на части дворец и, возможно, отстроить утраченное заново.

– Тогда, брат, мы вынуждены признать, что мы спасали не Калифат и не Собор. Мы спасали себя. – Хусейн повернулся,

сделав шаг к трапу ближайшего борта. – И всё, что мы можем сделать – быть честными с самими собой, когда будем выстраивать новое будущее из обломков. Отменить взлёт. Заглушить двигатели. Все борта остаются. Мы возвращаемся в столицу.

Хусейн бросил взгляд на Маджида.

– Ты с нами?

– С вами. – Худощавый отрывисто кивнул. – Мы нужны здесь. Джамаль был прав: в нас говорила трусость.

Моторы самолётов начали замолкать по одному, а от трапов почти сразу потянулась сначала нестройный, но набирающий мощь поток тех, кого Собор намеревался вывезти с собой: средний круг, помощники и советники, старшие чиновники из лояльных им. Механический гул машин затих, но ему на смену пришёл другой, человеческий: люди роптали, ибо многие из них протестовали против отмены бегства.

Кое-кто из военных растерянно переглядывался, кто-то схватился за связь, отдавая новые приказы: Собор требовалось вернуть обратно в целости и сохранности, а с учётом возросшей активности сепаратистов требовалось привлечь огромные силы.

Хусейн заметил это, и, взглянув на ближайшего офицера, тарабанившего что-то по рации, прикрикнул:

– Донесите в Сана: Собор возвращается. Пусть укрепляют дворец!

Сана, древняя столица Йемена, пережившая осады, рево-

люции и удары с раскалывающихся небес, была настоящим символом. И только сейчас и Хусейн, и Маджид поняли, чего они лишились бы, захвати город сепаратисты.

А на краю аэродрома, уже почти у самых машин, Джамаль остановился. Ему донесли об отданном приказе, и он, застыв на мгновение, обернулся. Неспешно, будто бы опасаясь увидеть что-то, что ему не понравилось бы... или наоборот. Его старческий взгляд нашёл Хусейна и Маджида, что вместе со своими свитами уже двигались в его сторону плечом к плечу. Не «юнцы», как он называл их в порыве сдерживаемого гнева. Советники. И теперь – его преемники не по крови, но по долгу.

Джамаль не улыбался ни лицом, ни губами. Но его взгляд говорил сам за себя. Сдержанное, почти неуловимое, но искреннее одобрение промелькнуло в его глазах, прежде чем он вновь отвернулся к ожидающему автомобилю, первым забираясь в салон машины.

Хусейн подоспел вторым, и, обернувшись через плечо, ободряюще кивнул Маджиду, который до сих пор выглядел неуверенно.

– Мы не ошиблись, брат. В Сана. – Он похлопал подошедшего товарища по плечу. – Мы возвращаемся домой...

А в это время высоко в небе, невидимый, неслышимый и необнаружимый, за ними пристально наблюдал Аватар, словно переплетение нитей разбирая прошлое каждого советника. Геслер лишь смотрел и читал, но не вмешивался.

И тем не менее, эти люди всё равно приняли такое решение. Тяжёлое, но правильное в долгосрочной перспективе.

И это же значило, что Южный Калифат как нельзя хорошо подходил на роль опорной точки Аватара на востоке.

Точки, в которой он вновь объявится после столь продолжительного отсутствия...

//

Пара примечаний по тексту.

Сана - не склоняется. Как Сочи, например, так что это не ошибка.

Калифат/Халифат - это суть одно и то же, разное написание.

Глава 5. Судьба, решающаяся посреди выжженной равнины.

Пыльная равнина, выжженное полотнище которой тянулось до самого горизонта, со стороны казалась совершенно безжизненной: редкие камни и сухощавые деревья лишь углубляли тоскливое впечатление, складывающееся при долгом наблюдении за ней. Монотонный пейзаж не способствовал жизнерадостности, ибо казалось, что кроме пауков и ящериц на многие километры вокруг нет никого живого. И песок здесь не был мягким и текучим, как на побережье или у берегов реки. Он скрипел под шинами, отчаянно пытаясь стесать резину, забиться в каждую щель и заклинить любые механизмы.

Дорога, если её вообще можно было так назвать, представляла собой печальное зрелище: растрескавшийся асфальт, испещрённый вдавленными следами от старой бронетехники. Она петляла среди невысоких холмов по одной ей ведомой логике, и тянулась на многие десятки километров: территории Калифата никогда не отличались высокой заселённостью. Население было достаточно велико – почти полмиллиарда человек, но вот сконцентрированы они были, по большей части, в городах и крупных, цельных поселениях

сельскохозяйственного назначения.

Итогом такого распределения стали безжизненные пустоши, до которых у кого-то доходили руки только в случае обнаружения новых залежей нефти или иных ценных ресурсов.

Хусейн сидел у самого окна автомобиля, сквозь три слоя бронированного стекла вглядываясь в горизонт. Позади мчалась машина Маджида с охранением, впереди – Джамала, как старшего и выдвинувшегося первым. Группы транспорта двигались на небольшом удалении друг от друга – так они решили снизить риски в том случае, если сепаратисты всё же успели сориентироваться и приготовить засаду на пути членов Собора. Вероятность этого была невелика, но никто не недооценивал тех, кто уже не один десяток лет по-крупному вредил легитимной власти Южного Калифата.

Тем более, что старший советник Севера на связь так и не вышел, а все попытки связаться с его людьми пропали втуне. Это нервировало Хусейна, потому как он, как и все члены Собора, привык к тому, что под удар обычно попадает кто угодно, но не внутренний круг. А сейчас они даже в должной мере не подготовили охранение, сделав ставку на скорость и незаметность: всего несколько машин на каждого советника и минимум охранения. Да и сам отъезд был инициирован без какой-либо подготовки...

– «Что, впрочем, не помешало врагам добраться до одного из нас». – Мысленно произнёс мужчина, выжимая из своего скромного телепатического дара все соки. Сейчас он мог

сосредоточиться, так что зона его восприятия с пары метров возросла до пары десятков. Мало, но Хусейн умел манипулировать областью покрытия псионического дара, точно радар сканируя всё вокруг узкой «полосой».

Был ли в этом смысл, учитывая наличие в колонне штатного псиона с ментальными силами? Едва ли. Но как метод самоуспокоения и приведения мыслей в порядок подобное занятие подходило лучше всего.

И только потому, что Хусейн был сосредоточен на контроле псионического дара, раздавшийся в его голове голос не шокировал мужчину, но заставил напрячься, сжав подлокотники кресла.

– «Не дёргайся лишний раз, Хусейн. В семнадцати километрах впереди, там, где дорога поворачивает прямо на закат, конвой поджидают сепаратисты. Ваш «пропавший» товарищ не настолько мёртв, как вы считаете».

Хусейн шумно выдохнул, понимая, что его разум открыт перед неизвестным словно книга, содержимое которой без усилий воспринималось любым образованным человеком. И самым жутким было то, что даже со своим незначительным даром мужчина ощущал подавляющую, всеобъемлющую мощь неизвестного, вторгшегося в его разум. Тот был куда мощнее телепата пятого ранга из Индии, с которым Хусейну довелось однажды поговорить и обменяться опытом. И таких людей по всему миру было настолько мало, что на ум советнику пришёл только один.

– «Алексей Второй?».

– «Ошибаешься». – В голове Хусейна раздался смешок. – «Твои собраты по вере называют меня Гласом Иблиса. Для всех остальных я Лжебог. Но сегодня я – ваш единственный шанс на выживание».

То, что испытал Хусейн в первые секунды сложно было описать, но в нём одновременно столкнулись любопытство, сомнение и гнев. Он уже был готов мысленно выругаться, но неизвестная, – или известная? – сущность опередила его.

– «Ты можешь закричать на меня. Назвать лжецом или провокатором. Но не спеши, Хусейн. Спроси себя: если я лгу, то грозит ли вам хоть что-то? А если говорю правду, то зачем?».

Хусейн сглотнул. У него пересохло в горле, но он всё равно дотянулся до гарнитуры... и остановил палец. Секунда – и он передал бы тревожный сигнал...

– «Что ты знаешь о Фариде? Что с ним?».

– «Он предал ваш Собор, Хусейн. И спланировал покушение. Ещё тринадцать километров, и ты сможешь лично в этом убедиться. Или, всё же, остановишь конвой, и выслушаешь моё предложение».

Хусейн сомневался недолго. Подавшись вперёд, он открыл лючок к водителю и коротко бросил:

– Остановись под предлогом поломки машины. Незамедлительно. – Он знал, что Джамаль и Маджид не двинутся дальше без него. Но спустя некоторое время вполне могут

лично поинтересоваться, что же такое произошло. Особенно если водитель не справится с достоверным отыгрышем человека, пытающегося наскоро решить возникшую в механизмах проблему.

Сконцентрировавшись на своих невеликих способностях, Хусейн обратился к неизвестному, нависающему над его разумом, как гора – над крошечным человеком.

– «Я готов выслушать тебя, Глас Иблиса. Что ты имел в виду, говоря о единственном шансе? Ты можешь остановить воронку?».

– «Да, я могу её остановить. И остановлю раньше, чем она преодолеет точку невозврата. Но речь сейчас пойдёт о том, что будет после, Хусейн. После того, как этот кризис канет в лету, и начнётся новая эпоха. Эпоха моего правления, Хусейн». – Глас Иблиса, суть Шайтан, как его называли приверженцы крупнейшей мировой религии, не щадил чувств собеседника, и резал «на живую». Его словно и вовсе не волновало, ответит советник Собора согласием, или проклянёт Лжебога, отвергнув его предложение.

И Хусейн, тяжело дышащий и напряжённый, это понимал. Он был политиком, одним из первых лиц своей страны. Сколько раз ему приходилось сходить с недругами в словесных баталиях, когда на кону стояли годы благополучия Калифата? Сколько раз он оказывался в искусно расставленной ловушке, где неверный шаг означал потерю чести, достоинства и своего поста?

Нынешняя ситуация отличалась лишь в том, что Хусейн ощущал себя совершенно беззащитным. Он понимал, что в прямом столкновении с носителем известного и звучного прозвища – Лжебогом – все его телохранители обратятся в пыль в тот же миг, как поднимут оружие. В остальном же, Глас Иблиса явно не был нацелен на устранение Собора. Максимум на введение его в заблуждение, но и это, как казалось Хусейну, было слишком маловероятно. И слишком мелко для человека, обладающего мощью, способной заставить дрожать в страхе элиту элит.

– «Ты хочешь обрести власть надо всеми народами, Лжебог?».

– «Иначе человечество ждёт гибель. Количество разломов будет расти. Концентрация пси на планете – увеличиваться. И совсем скоро Земля начнёт стремительно превращаться в копию разрушенных миров-из-разломов. Это нельзя предотвратить, но можно отсрочить и спасти людей». – Лжебог подождет немного, прежде чем продолжить вливать оформленные мыслеобразы прямо в голову мужчины. – «Я счёл Южный Калифат подходящим плацдармом для установления единой власти на востоке. По этой причине я здесь».

– «Народы не примут тебя в качестве единоличного правителя, Лжебог».

– «Для этого мне и нужны структуры вроде вашего Собора, Хусейн. Легче принять над собой власть соотечественников, чем чужака».

Мужчина выдержал паузу в несколько секунд, взвешивая все «за» и «против». При том он уже понимал, что тот же Джамаль будет в ярости от одной лишь мысли о том, чтобы присягнуть на верность Лжебогу. Но осознавая его возможности, Хусейн понимал то, что или они согласятся, и смогут проконтролировать хоть что-то, или откажутся, и их сомнут. По миру ходили слухи о том, как Артур Геслер избавился от организованной преступности в «странах первого мира», и отразить тот же подход на Восток было бы вполне в его духе.

– «Мы никак не сможем гарантировать быстрое приведение к порядку даже всего Калифата, наводнённого сепаратистами. В других государствах-единоверцах обстановка порой ещё хуже, и власть находится во многих руках одновременно. Потребуется многие годы, чтобы что-то сделать...». – Восток никогда не был един ни на словах, ни на деле. В каждой стране существовало столько полюсов силы, что любая попытка нарисовать действительную политическую карту региона превратила бы работу художника в Ад, требующий задействования микроскопа.

Из этого следовало то, что на фоне любого другого региона именно восток был наименее стабильным, самым непрогнозируемым и требующим колоссальных сил для захвата даже сравнительно небольших территорий. Со странами Европы в этом плане было на порядки легче, так как там не только присутствовала цельная, единая структура власти, контролирующая каждую пядь своей земли и не допускаю-

щая существования десятков группировок сепаратистов, но и сами люди были воспитаны так, что им необходим был один-единственный лидер или правительство.

– «От Калифата потребуется только объединить и привести к согласию лишённые руководства группировки и государства. Потому как я лично обезглавлю ваших соседей и обеспечу поставки дополнительных вооружений, техники и расходников, когда возникнет такая необходимость». – Хусейн засомневался, пусть слова Лжебога и звучали очень привлекательно. Объединить Восток под рукой Собора Южного Калифата, стать своего рода мессией для сородичей и единоверцев – это мечта любого мужчины. Но вот какой ценой придётся за это заплатить, и не окажется ли, что всё это лишь ширма для скорейшего установления тотального единовластия Лжебога? – «Взамен я потребую исключительно лояльности и готовности действовать ради претворения в жизнь моего плана по спасению человечества. Внутренняя политика Калифата, ваши споры и склоки, ваши идеалы не будут меня интересовать до тех пор, пока мои приказы исполняются качественно и своевременно».

– «Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, Лжебог».

– «И тем не менее, это и есть правда, Хусейн». – А ещё Артур всё равно прогнозировал массу неприятностей, связанных с нежеланием людей, и в частности – членов религиозных общин, признавать над собой власть чужака. Пусть даже

фактически ими будут управлять их же сородичи, сам факт нахождения во главе Лжебога гарантированно спровоцирует такую массу конфликтов, что новой власти Востока придётся сильно постараться, чтобы урегулировать ситуацию и покарать смутьянов...

– Хусейн? Что с машиной? Нужно двигаться дальше, если хотим успеть вернуться до темноты. – Голос Маджида, раздавшийся в гарнитуре после тихого щелчка, моментально вернул мужчину в реальность. Он выждал пару секунд, устаканивая мысли в голове, после чего выдохнул:

– С возвращением придётся повременить. – Хусейн прислушался к своим ощущениям, ища то ли собственную неуверенность, то ли недовольство Лжебога, который всё так же нависал над ним подобно горе. – На связь вышел один... человек. Нужно незамедлительно обсудить это с глазу на глаз, как членам Собора.

Хусейн первым вышел из машины, кивнув начальнику охраны: телохранители уже давно высыпали наружу, оцепив периметр вокруг «его» колонны. Аналогичным образом поступили и защитники Маджида и Джамалия, которые, к их чести, почти сразу выбрались наружу и теперь вышагивали по волнистому, испещрённому трещинами и дырами асфальту к инициатору внепланового собрания.

– Что за человек? – Первым спросил старик, окинув взглядом горизонт. – И к чему спешка? Сепаратисты могут быть неподалёку...

– Этот «человек» сообщил о засаде в двенадцати километрах. С его слов, Фарид переметнулся на сторону сепаратистов, «прочитал» тебя, Джамаль, и организовал засаду на обратном пути...

– Похоже на чушь. – На удивление спокойно произнёс Маджид.

– Этот «человек» – Лжебог. – Хусейн заметил, что его собеседники моментально прониклись серьёзностью ситуации от одного лишь упоминания этого имени. – И он прямо сейчас может легко нас всех прикончить. Но вместо этого предупредил... и кое-что предложил.

Не меньше пяти минут потребовалось Хусейну для того, чтобы пересказать то, что Лжебог заботливо вложил в его голову в виде концепций и образов. Могло получиться и быстрее, но ярящийся Джамаль и сыпящий встречными вопросами Маджид несколько затянули процесс. Один был возмущён уже тем, что член Совета прислушался к «голосу в голове» и, фактически, начал плясать под его дудку, а другой одновременно и интересовался обстоятельствами появления Лжебога, и отчаянно настаивал на резком смене курса: поговорить, мол, можно было и в дороге.

Вполне закономерно, что это не могло привнести в ситуацию хотя бы капельку ясности, пусть Хусейн и пытался, понимая, что Собор, споря, лишь позорится перед Лжебогом.

– Он не просто Глас Иблиса, Хусейн! – Прорычал Джамаль, ударяя тростью об асфальт. – Он искушает! Вводит в

соблазн! Обещает то, о чём иные и мечтать не смеют!

Маджид хмыкнул и не оборачиваясь, глядя куда-то в сторону теряющейся в пустыне дороги и будто бы пытаясь рассмотреть Лжебога, бросил:

– Ты ошибаешься, Джамаль. Лжебог... Можно называть его как угодно, но на деле им уже была проделана огромная работа. Даже здесь, у нас теперь производят на порядок меньше «грязного» дурмана. Исчезла часть группировок мятежников, промышлявших работорговлей и трансплантацией органов. Даже напряжение у границ схлынуло потому, что он, преследуя какие-то свои цели, зачистил откровенных фанатиков, лишь прикрывающихся именем пророка. – Маджид говорил степенно и уверенно, так, словно его подменили. Но по блеску в глазах, по изменившейся осанке знающие его люди могли понять, что тот просто нащупал опору под ногами. Не понимающий, как совладать с бедами, обрушившимися на Калифат, он наконец-то увидел проблеск надежды. – А теперь он не убил нас, Джамаль. Не взял в плен. Не захватил власть силой, пусть и мог. Он просто сделал предложение, от которого, скажу честно, трудно отказаться...

– Ты оправдываешь его?! – Рывкнул старик.

– Нет. Его нельзя оправдать, но и нельзя обвинить. Кто из нас не воспользовался бы такой силой, старик? Ты бы первым отправился приводить к покорности неверных, не считаясь с потерями. А что сделал он? Многих погубил лично? – Хусейн кивнул на Маджида. – Маджид верно говорит: от

Лжебога мы на деле пока видели лишь благо.

– Тем более, что это не выбор между «получить ничего» и «получить блага от шайтана». – Маджид подхватил речь. – Если мы откажемся, то однажды мы просто получим ультиматум от одного из соседей из тех, кто согласится на предложение Лжебога. Или его получают сепаратисты, если замысел Фарида удастся, и Собор будет уничтожен.

– И ты предлагаешь просто поверить ему? Что, если Фарид уже мёртв, и устроил это Лжебог?

– Мы можем проверить. – Хусейн посмотрел прямо в глаза недовольного, злого как тысяча ифритов старика. – Свяжемся со столицей, запросим подкрепления. Отправим вперёд наших людей из охраны, проконтролируем, чтобы сепаратисты, если они там, никуда не делись. Но, Джамаль, ты должен понимать: Лжебог – телепат невероятной силы. Я сам спутал его с Кровавым Императором, когда он впервые заговорил в моей голове. Ему под силу подчинить себе любого: меня, тебя, Фарида... Не будет никаких гарантий, что старший советник Севера сам, без влияния со стороны переметнулся к сепаратистам. Мы, может, стоим сейчас на его сцене, но даже не в роли актёров, а в качестве декораций, судьба которых прописана в сценарии.

– И ты, понимая это, всё равно выступаешь за то, чтобы принять его предложение? Чтобы стать его марионетками?

– Если всё будет так, как он обещает, то мы не будем «марионетками», Джамаль. Мы так же продолжим направлять

народ Калифата, а после – и другие народы востока тоже. Ему нужно лишь, чтобы мы поддерживали его проект по спасению человечества. А это – достойная цель. Ты и сам не раз читал отчёты аналитиков.

Старик усмехнулся:

– В этих отчётах говорилось о временах таких далёких, что я не застал бы даже самое начало тёмной эпохи, Хусейн. И для меня всё это – лишь буквы на бумаге, ничем не подтверждённые.

– Разломы открываются всё чаще, и сами они всё больше. Концентрация Пси растёт. – Хусейн пожал плечами. – Если этого тебе мало, то поверь моему слову: концентрированная Пси вредит людям. А её на планете всё больше. И решения, помимо возведения непроницаемых куполов, нет. Но загонять людей в резервации? И сколько выживет тогда?

Старик опустил веки и нахмурился, крепко задумавшись. И ответил лишь спустя несколько секунд, когда Маджид уже открыл было рот, чтобы добавить аргументов на будто бы застывшую в равновесии чашу весов.

– Я хочу поговорить с ним лично. Со Лжебогом.

Ни один телохранитель даже не дёрнулся. Никто ничего не почувствовал. Но подле советников появилась четвёртая фигура, и молодым, уверенным голосом произнесла:

– Спрашивай, Джамаль ибн Хасан ибн Абдуррахман аль-Катани. Я отвечу на твои вопросы...

Глава 6. Ночной штурм.

В вечернем небе в какой-то момент возник гул. Сначала едва различимый, но с каждой секундой становящийся всё более отчётливым, он волнами разносился над равниной, нарушая установившуюся и поддерживаемую тут днями напролёт тишину мест, по большей части лишённых человеческого присутствия.

Смешно подёргивая носом, венчающим кончик вытянутой морды, из норы вылезла аравийская лисица. Её уши двигались подобно локаторам, не только определяя источник шума, но и гарантируя, что поблизости нет ничего и никого опасного. Выждав так несколько секунд, лисица выскользнула наружу – медленно, почти беззвучно, лишь немного потревожив укрывающий землю рассыпчатый песок. В полумраке глубокого вечера желтоватая, с серебристым отливом шкурка сливалась с землёй, делая хищницу практически неразличимой на фоне местных пейзажей.

Лисица, сделав несколько неуверенных шажков, прижалась к земле, а крупные, золотистые, с вертикальным чернильным зрачком глаза сфокусировались на силуэтах в небе. И хоть она не понимала, чем стала свидетелем, но даже звериный разум позволял осознать крайнюю опасность вереницы винтокрылых боевых машин, цепью идущих на неболь-

шой высоте, словно выискивая добычу. Фыркнув, лисица посмотрела куда-то вдаль, принюхиваясь: оттуда пахло металлом, машинным маслом и людьми.

И туда летели вертолёты, пронёсшиеся над головой успешней юркнуть в нору лисицы.

Это была не её война, но она стала свидетельницей её начала.

– Внимание всем бортам. Точка контакта – семь километров. Переходим на малую высоту, держим эшелон сто пятьдесят, плотным строем. «Факел-1», приём.

– «Факел-1» на связи. Все системы работают в штатном режиме, подавление шума активно, скрытность не нарушена, к бою готов.

– Принято. «Факел-2»?

– «Факел-2» на связи, слышу вас. К бою готов...

Меньше половины минуты заняла переключка, но расстояние до цели за это время сократилось до пяти километров. В окружающем пейзаже наметились перемены, в частности – разбитое дорожное полотно вывернуло из-за холмов, и тянулось вперёд. Ударная группа Калифата выбрала направление таким образом, чтобы появиться чётко с тыла противника относительно того, откуда они ждали членов Собора.

И пусть время было уже упущено, при планировании опе-

рации сочли, что позиции сепаратистов будут, всё же, оборудованы с расчётом на контакт с одного конкретного направления.

– Говорит «Факел-Лидер», сбавить ход до ста восьмидесяти. «Глаз-1», ожидаем от вас свет и уточнение данных. Расчётное время до контакта – минута сорок. Десантные группы, доклад!

– «Факел-6», группа готова.

– «Факел-7», группа готова.

– Принято, «Факел-6-7». Примите чуть правее, курс передаю. Сразу после выброса – уходите на минимальной высоте, будет жарко.

– Принято, «Факел-Лидер». Есть уходить сразу после выброса!

Боевые машины шли двумя цепями друг за другом, разделившись на ударную и десантную группы. Обособленно, на несколько большей высоте, держался «Глаз-1», на борту которого находился не только аэрокинет, скрывающий шум винтов и двигателя от посторонних, но и специалист по искажению визуального спектра – спецборт держался достаточно высоко, чтобы сепаратисты иначе могли его легко заметить.

– «Глаз-1», ожидаем свет. До контакта – сорок секунд.

– Принято, «Факел-Лидер». Заряд уходит. Три, два, один...

С боковой направляющей правого борта разведывательного вертолёта вырвался оставивший за собой белесый ро-

счерк снаряд. Он ушёл вверх по навесной траектории, а через несколько секунд в небе раскрылся матово-чёрный, сливающийся с облаками купол парашюта, под которым тут же вспыхнул слепяще-белый шар. Словно миниатюрное солнце, он застыл на фоне темнеющего горизонта, заливая своим светом землю в радиусе пары километров.

И под ним как на ладони обнажилась полоса дороги, неровности укрытых отступающими тенями холмов и кое-где – слабое, но с каждой секундой становящееся всё более активным движение.

Стали видны пикапы и фургоны в специально вырытых ростовых маскировочных ямах, вокруг которых, словно муравьи в потревоженном муравейнике, суетились люди. И с каждой секундой их становилось всё больше. Зазвучали одиночные выстрелы паникующих, не ожидавших оказаться посреди круга света сепаратистов. Заработал стационарный пулемёт, установленный в кузове пикапа, и только тогда лидер ударной группы отдал приказ.

– «Факел-Лидер» – группе, огонь по площадям! Работаем на подавление, обеспечим десанту красные ковровые дорожки!

– «Факел-1», залп!

– «Факел-4», под огнём, барьер пока держит!.. – Шквальный огонь опомнившихся пулемётчиков обрушился на «четвёртого», но кинетические барьеры перед вертолётom уверенно останавливали поток свинца крупного калибра. Пара

пси-вспышек была так же перехвачена совместными усилиями псионов звена, а немногим позже сепаратисты временно прекратили отвечать: им резко стало не до того.

Сразу шесть вертолётов из восьми приподняли носы и, зависнув на месте, открыли огонь. Гулкий рёв автоматических пушек слился в какофонию, а трассеры впились в технику и людей. Следом ожили пусковые блоки, и один за другим из них начали вырываться НУРСы. Дымные шлейфы расчерчивали воздух за осколочно-фугасными боеприпасами, обрушивающимися на головы сепаратистов, и земля в местах попаданий вздымалась огнём и пылью. Ракет было столько, что шансы выжить в этом локальном Аду были только или у самых везучих людей, или у псионов.

И последние наконец-то ответили: в двух местах одновременно дым рассеялся, словно от залпа особо мощных пушек, и в сторону вертолётов ударили плотные струи плазмы. Первую военные Калифата остановили, а вот вторую лишь ослабили, и одну винтокрылую машину обдало мощным потоком пламени. Вертолёт, взрыкнув, почти сразу клюнул носом и начал терять высоту. Катапультироваться в считанных десятках метров от земли пилот ожидаемо не стал, и вместо этого попытался выровнять машину, дабы смягчить скорое падение, с чем ему активно помогал псион на борту.

Покачиваясь из стороны в сторону, «Факел-4», оставляя за собой густой след чёрного с серыми проблесками дыма, рухнул чуть в стороне от занятой террористами области.

В то же время пирокинет сепаратистов, удовлетворившись увиденным, попытался переключиться на другой вертолёт, выдав поток плазмы не слабее предыдущего, но почти сразу его позицию накрыли ракетами, и для надёжности прошлись сверху довольно жиденьким из-за климата дождём ледяных осколков. А после к делу подключился десант, который шестой и седьмой «Факелы» успешно высадили, поспешно покинув «опасную зону».

– «Факел-Лидер», говорит «Факел-6», выброс завершён без потерь!

– Говорит «Факел-7», подтверждаю успешный выброс!..

– «Факел-Лидер» – «Факелу-2», отойти и обеспечить прикрытие на точке крушения «Факела-4»! Остальным - проходим вглубь, «круг почёта» для разбежавшихся крыс!

Почти синхронно боевые вертолёты прекратили огонь и, на ходу отчитываясь о состоянии боекомплекта и полученных повреждениях, разлетелись в стороны, в свету осветительного парашютного заряда выискивая дополнительные цели и гарантируя, что против десантных групп не применят тяжёлое вооружение. Сами десантники общим числом в четыре десятка человек, из которых пятнадцать обладали даром, разбились на группы и растянулись цепью, и постепенно окружали область, занимаемую сепаратистами.

Прикрытие с воздуха позволяло обойтись и такими силами, а очевидное превосходство в «пси-силе» и в числе псионов в частности гарантировало, что противник не даст се-

рьёзного отпора.

Всё шло как по маслу до этого момента и продолжало идти далее, ведь, как известно, хорошо и без компромиссов организованная операция позволяла обходиться минимальными потерями, и герои для её успешного завершения были не нужны.

– «Факел-Лидер», капитан Самир докладывает – «четвёртый» на земле, один контужен, один тяжёлый, остальным нужна эвакуация. Борт занялся пламенем, угроза детонации оставшегося боекомплекта! – Прозвучал в гарнитуре взволнованный голос пилота «Факела-2». – Разрешите приземление для обеспечения эвакуации!

– «Факел-2», посадку разрешаю. – Командир звена переключился на общий канал. – Звену – обеспечить прикрытие «Факела-2»!

– «Факел-2», начинаю снижение!

Боевая машина, заложив вираж, пошла на снижение, замерев чуть выше полотна покорожённого ранее временем, а теперь и боем асфальта. Под его брюхом с сухим щелчком откинулась компактная, – а для боевого вертолёт и это уже было редкостью, – рампа, и внутрь устремилась пара ожидающих транспорта бойцов. Они на себе тащили пилота сбитой «вертушки», пока остальные члены наземной группы капитана Самира удерживали периметр. Штатный псион-биокинет занимался тяжелораненым «коллегой по дару», которого, судя по всему, пока нельзя было транспортировать.

Чуть поодаль полыхал «Факел-4», понемногу сдающий позиции жаркому пламени. Топливные баки и отсеки с боекомплектom ещё не занялись, но нагревались с каждой минутой всё сильнее, грозя обеспечить десанту оглушительный и, в перспективе, смертоносный прощальный салют: развернуться тут было негде, да и раненого перенести пока не представлялось возможным.

– Ну, что там у вас?! – Пилот «второго», естественно, не видел всех подробностей, послав штатного псиона проверить, почему на борт подняли только одного человека, и того – контуженного, а не тяжёлого.

– Парня латают, крепко приложило, транспортировки не перенесёт! – Отозвался пехотинец, настороженно оглядывающийся. Дым, пыль, занимающиеся зарева пожаров там, где, казалось бы, нечему было гореть – всё это снижало видимость до минимальной, в то время как сепаратисты могли оказаться где угодно. Не иначе как с помощью одного-двух геокинетов они, как только что выяснил десант, успели за считанные часы организовать недурственные подземные тоннели-схроны-укрепления.

И там, по предположениям псионов и специалистов по разведке, находилось сепаратистов не меньше, чем полегло на поверхности.

– Пусть поторопятся, тут скоро полыхнёт!

– Да уж пытаюсь! – Отозвался биокинет, руки которого были в крови чуть ли не по локоть, а взгляд блестящих в по-

лумраке глаз переходил с раненого на вертолёт и обратно, словно псион что-то прикидывал в уме. – Дайте мне две минуты!

– Будет у тебя две минуты! – Отозвался псион «второго», нырнув вглубь машины и передав информацию пилоту. Они прекрасно понимали, что две минуты – это слишком много, и за такое время не только объятая пламенем машина может пыхнуть, но и сепаратисты отреагировать и нанести свой удар. Требовалось как-то отреагировать, чтобы выиграть это время и не надеяться на случай.

Капитан Самир, поджав губы и наблюдая за ситуацией, коснулся гарнитуры и передал по «десантному» каналу:

– Салим, Захран, сдержите детонацию «птички»? Только честно и не переоценивая себя! – Он обратился к двоим телекинетам, которые отозвались спустя несколько секунд.

– Если прикрыть надо будет небольшой сектор и почти-тельном расстоянии, капитан, то должны. Нужно раненого закрыть?

– Именно. Занимайте позицию и готовьтесь, я отведу парней подальше от птички, пока их не посекло. Слышали, бойцы?!

Десантники отозвались согласным гулом, и периметр пришёл в движение. Отряд Самира плавно отступал, оставляя фланг с «четвёртым» практически голым. Всего спустя пол-минуты образовался своеобразный клин с раненым, биокинетом и парой телекинетов на кончике: военные Кали-

фата действовали уверенно и чётко, не теряясь даже в такой ситуации, когда каждому отдельному бойцу не была видна вся картина в целом.

На минуту всё как будто замерло, и само время замедлило свой ход. Пламя продолжало лизать борта подбитой машины, и раскалённый, дрожащий над металлом воздух было видно даже в условиях скромного, постепенно истаивающего освещения. Но это затишье было лишь фикцией, и телекинеты это понимали.

Потому сначала надрывный скрип металла, вызванные резким изменением внутренней конструкции боевой машины, а после и отчётливый треск не застали их врасплох.

И этот звук был бойцам слишком хорошо знаком.

– Пригнуться! – Рывкнул Самир, первым плашмя падая на землю, ногами в направлении подбитой вертушки. – Захран, Салим, вы знаете, что делать!..

Двое телекинетов переглянулись, синхронно шагнув вперёд. Их движения были точными, выверенными: оба синхронно разошлись в стороны, сформировав мощный телекинетический барьер. Перед ними повис отчётливо видимый полупрозрачный конструкт в форме полусферы, закрывшей и самих псионов, и биокинета с раненым, которого почти долатали до транспортабельного состояния.

– Я давлю первым. Держим! – Выдавил из себя напряжённый до предела Захран. – Готовься!

Громыкнуло.

Взрыв, от которого вздёрнулась земля, оказался чуть слабее ожидаемого – то ли сдетонировала только часть боеприпаса, то ли барьер оказался крепче, чем рассчитывали. В любом случае, пламя устремилось вверх, обдав всех жаром, а ударная волна разметала обломки и осколки брони по сторонам, по большей части – не туда, где находились люди. Тем не менее, псионы хоть и ослабили барьер, когда всё стихло, но полностью его не опустили, опасаясь детонации уцелевшего боеприпаса.

Он стал невидимым со стороны, и именно эта предосторожность спасла телекинетам их жизни.

Синхронно грянула пара выстрелов, но пули, преодолев полста метров от позиций показавшихся сепаратистов, разбились о барьер, заставив тот вспыхнуть волной, искажающей воздух. Захран шумно выдохнул от перенапряжения, но Салим подхватил эстафету, и следующие пули бессильно разбились об второй слой барьера. Оба не были сильными псионами, ограничившись самым низом второго ранга. Но они были военными, и потому среагировали соответственно: Захран, потеряв способность продолжать бой как одарённый, вскинул винтовку, открыв огонь прямо из-за барьера, поддерживаемого «коллегой». Его поддержали другие десантники; гроыхнули разрывы гранат, и сепаратисты скрылись за завесой дыма и пыли.

– Что с раненым?! – Бросил, обернувшись, Захран, едва увидев, что Салим полностью сосредоточен на барьере –

единственном препятствии, отделяющем биокинета от противника.

Биокинет откликнулся почти сразу:

– Можно нести, но быстро! На борту я продолжу им заниматься...

Дважды повторять было не надо, и тяжелораненого споро погрузили на носилки, оттащив на борт вертолёт. Туда же забрались ещё двое членов экипажа сбитого вертолёт, до этого момента оказывающие посильную помощь пехоте: они почти не пострадали, и могли держать в руках оружие.

– Говорит «Факел-2», взлёт через десять. Что по обстановке, «Факел-Лидер»?

– Сепы пытались выбраться на поверхность и отстреляться по нам с ПЗРК, но парни на земле отработали на все сто. Но пусть твой одарённый будет наготове: может, ещё один притаился где.

– Принято, «Факел-Лидер». Взлёт!

«Факел-2» оторвался от земли, рассекая воздух винтами и монотонно рокоча турбинами. Дым разметало в стороны, поднялась пыль – и борт плавно набрал высоту. Ему вслед не устремились ни ракеты, ни пули, и боевая машина, сделав разворот, скрылась в темнеющем небе, устремляясь к полемому лагерю, готовому принять любое количество раненых.

Но на земле бой ещё не завершился, так как Фарида, старшего советника Севера и одного из четырёх членов внутреннего круга Собора, предположительно предавшего товари-

щей и переметнувшегося на сторону мятежников, десантники не нашли, даже проверив львиную долю тел на поверхности. Следовательно, того или вообще здесь не было, что шло вразрез со словами остальных членов Собора, установивших контакт с некоей «третьей стороной», или он скрывался под землёй.

И пехоте предстояло это проверить, взяв штурмом не самые обширные, но надёжные укрепления, не заливая там всё напалмом и не обрушивая породу на голову мятежникам. Это, конечно же, было бы намного проще, но приказ есть приказ.

Капитан начал раздавать подчинённым указания, подготавливая группу к столкновению с сепаратистами в ближнем бою. И что-то ему подсказывало, что эта стычка будет очень жаркой...

Глава 7. Вмешательство.

– Капитан, входы-выходы на нашем участке взяты под контроль, всего три штуки. Один – широкий, оттуда несёт чем-то. Разрешите завалить?

Самир сомневался недолго, отрывисто мотнув головой:

– Заваливайте. Если предатель окажется там, то откопаем – геокинететы у нас есть. Но не усердствуйте, нам живое тело нужно, а не расплющенный труп. Что по остальным ходам?

– Из одного сепаратисты поливают нас грязью и отказываются складывать оружие, мы уже пригрозили забросать их «подарками». Вряд ли там наша цель или офицеры, скорее рядовое недоговороспособное мясо. В последнем, который, судя по данным со сканеров и со слов Крига, связан с другими «норами», тишина. Пока наши опасаются туда лезть: ждём, пока подвезут тяжёлую штурмовую пехоту и ещё пятёрку геокинетов. Но это полчаса минимум, капитан.

– И откуда ты такой умный, Ариф? Ещё немного, и меня попросят с поста командира группы, передав его не в меру осведомлённому связному... – Без обвинения, но с явным одобрением хмыкнул Самир. – Какие-то данные по протяжённости тоннелей?

– Пока разобщённые по отрядам, капитан, но уже можно точно сказать, что под нами не меньше трёх километ-

ров ходов. Ну и следы работы геокинетов до кучи: укреплённые своды, масса отнорков, возможно «надёжные» сюрпризы, которые без спецов не заметить. — Отчитался связист, который усердно прослушивал каналы остальных отрядов, аккумулируя в своей голове всю оперативную информацию.

— Три километра? Они сюда что, нескольких геокинетов умудрились притащить? И откуда только взяли?..

Мужчина нахмурился, ибо к нему пришло понимание того, что с таким количеством управляющих почвой псионов сепаратисты вполне могут ловко свалить в закат: сил, выделенных на эту срочную операцию, не хватит, чтобы перекрыть периметр хотя бы в радиусе пяти-шести километров. А практика показывала, что у сепаратистов прекрасно выходило исчезать прямо из-под носа даже у самых опытных бойцов. Плюс в ближайшие шесть часов установится крошечная пустынная темнота, в которой различить хоть что-то без прожектора будет невозможно.

Это уже и сейчас весьма проблематично, чего уж говорить о будущем?..

«Так вот, на что эти дети скотов сделали ставку. Или это оттого, что с ними, потенциально, старший Севера? Обеспечил себе пути отхода на случай провала?..». — Капитан шумно выдохнул носом, направившись напрямик к последнему из удерживаемых его группой выходов. Он намеревался лично всё осмотреть, потому как просто сидеть и ждать претило не только его природе, но и банальной логике. Ведь ес-

ли противник сохранил псионов, то их исчезновение – лишь вопрос времени.

– Самир на связи. Надим, что у нас с перспективами штурма своими силами?

– Надим, на связи. Это будет гиблым делом, брат. Там такая сеть, что каждого третьего внизу оставим, пока всё зачистим. Защитников плюс-минус четыре десятка, если верить нашим биокинетам. Твой что говорит?

– Аналогично по численности, но он с поверхности глубоко и не достанет. И я считаю, что пока мы ждём штурмовиков, весь цвет этих собак скроется в неизвестном направлении. Там, похоже, геокинетов порядком, раз они смогли так заглубиться. Нужно штурмовать, если хотим прихватить их офицеров или «предателя». – Честно выдал Самир, слыша, как к каналу подключаются лидеры остальных отрядов. – Собор ясно поставил задачу: любой ценой захватить Фарида, если он будет обнаружен.

В причины капитан не лез, ибо он был солдатом, задача которого – исполнение приказов, а не анализ политической обстановки или построение своих теорий. Но что-то подсказывало Самиру, что если «предатель» сбежит, то худо будет всем.

– Геокинетов у нас всего твое, телекинеты будут не так эффективны там, внизу. Но что-то получиться может, пусть и не без потерь. – Вынужденно произнёс Надим. – Как будем формировать группы и вести штурм?

– Одна группа останется тут, обеспечит какой-никакой контроль за выходами на поверхность. Ещё одну, под руководством молодого Заки, можем отправить для контроля внешнего периметра: там как раз собран молодняк: покажут, на что способны. – А ещё Самир не хотел отправлять на верную смерть перспективную молодёжь, для которой этот выход был как бы не одним из первых. Учили в Калифате на совесть, да только реальный опыт в учёбе в тыковку-то не вобьёшь. – А группы Рашида, Юсуфа, твоя и моя, двинутся вниз. У нас как раз четыре полноценных хода намечается, верно?

– Всё так. По одному ходу на группу, если смотреть в целом.

– Значит, так и поступим. Не придётся объединять отряды тут, на поверхности. По тактике я предлагаю «классику» – времени выдумывать что-то ещё у нас нет. Рашид, Юсуф, слышите нас? Что скажете?

– Я склонен довериться твоему опыту, Самир. – Отозвался Юсуф.

– Твой план не хуже любого другого. – Несколько более смиренно произнёс Рашид, вечно спокойный и умиротворённый.

Возмущения тех, кого решили оставить на поверхности, конечно же, в расчёт не приняли, и быстро «задавили» их авторитетом.

– Тогда десять минут на инструктаж. И начинайте пускать

вперёд дроны: нужно собрать больше информации о том, что ждёт нас впереди. Операторы у всех уцелели?

– Это была не той сложности задача, чтобы потерять технарей, брат. – Хмыкнул Надим. – Сделаем.

– Далее. Штурмовые группы – по семь человек, включаем в состав боеспособных псионов. Юсуф, твой геокинет в норме?

– В полной.

– Значит, группа твоих ребят будет нашей основной ударной силой: остальных могут просто похоронить заживо. Надим, своего береги пока: он выложиться уже успел, как я понял. Двигаться будем так...

На всё про всё у военных и правда ушло немногим больше десяти минут, после чего вниз устремились четыре группы общим числом в двадцать восемь человек. Они продвигались стремительно, но осторожно, задействуя дроны и псионов для поиска ловушек и засад. В ход шли самые разные приспособления для штурма помещений, а частота взрывов световых и газовых гранат превзошла все возможные пределы.

И всё равно спустя всего пять минут трое бойцов уже были из «гонки со смертью», и один – окончательно: сепаратисты и правда задействовали как минимум троих геокинетов, организовав ряд ловушек, которые были необнаружимы без геокинета в отряде. И всё это вдовесок к совершенно классическим растяжкам, прикопанным нажимным минам,

засадам сепов-смертников и тяжёлому вооружению, которое в небольшом количестве всё же успели утащить под землю. Самиру лично уже довелось пристрелить огнемётчика, а после вести свой отряд через натуральный Ад: узкий тоннель, полыхающий напалм и нестерпимая жара, которую штатная броня бойцов сдерживала едва-едва.

При всём при этом над его группой нависала неиллюзорная угроза обрушения потолков, так как противник располагал геокинетами, которые, очевидно, были собраны в одной группе, – Самир сам бы так поступил, планируя оборону и отход, – в то время как у штурмовиков на четыре группы геокинетов было всего двое: один, полный сил, у Юсуфа, и один, произдержавшийся в бою – у Надима. Телекинететы, конечно, ещё могли как-то сдержать обвал, но это был совсем не их профиль: там, где геокинету достаточно дать толчок, спровоцировав катастрофу, любому другому псиону придётся напрягаться безостановочно. О пиро- и аэрокинетах говорить и вовсе не приходилось: их силы совершенно не подходили для противостояния геокинетам под землёй.

– Капитан, фиксирую пси-активность! Полторы сотни метров впереди, цель – над нашими головами!..

Одновременно с этим затрещали своды тоннеля, и Самир первым ринулся вперёд:

– Бегом! Ускоряемся!

Это было рискованно, но ещё рискованнее было бы остаться на месте, противопоставляя силы полутора телеки-

нетов группе псионов противника. Самир ошибся, так как по его прикидкам это столкновение должно было произойти намного позже, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Они угодили в расставленные силки, и единственным способом выжить стало наступление, неожиданное и для сепаратистов, и для них самих.

— Юсуф! — Самир вышел на связь с товарищем, надеясь на то, что у сепов не оказалось при себе глушилки, которую они придержали бы ровно до этого момента. — Как минимум двое кинетов в ста двадцати метрах относительно моей позиции, направление...

Капитан сверился с показателями на дисплее шлема.

— ... триста десять, минус двадцать. Мы под ударом, попытайтесь выйти на их позицию!

— Принято, «Палач». Мы ускоряемся, держитесь!..

— Контакт! — Самир плашмя упал на каменистый пол тоннеля, очередью срезав высунувшегося с парой гранат в руках сепаратиста, воинственный клич которого прервался болезненным воем. Впереди, на позициях врага, громынуло, и следом туда полетела новая порция гранат: светошумовые гулками хлопками и вскриками врагов оповестили об успешности бросков, а после уже и сам Самир с напарниками-штурмовиками ворвался в достаточно просторное помещение. Приборы ночного видения обеспечивали им чёткую картинку, так что судьба посредственно оснащённых сепаратистов была предreshена: с десятков коротких очередей, и

поблизости не осталось ни одного живого защитника.

И всё же, один из штурмовиков так же остался лежать на каменном полу: у шальных пуль были свои мысли касательно судеб военных.

– Минус семь. – Самир обозначил число убитых, мазнул взглядом по телу павшего товарища и обернулся к идущему в конце группы биокинету, который даже не стал дёргаться, издав издав определив факт смерти члена группы. – Сколько?

– Ещё пятнадцать сигнатур. – Подтвердил тот расчёты, на секунду сконцентрировавшись. – Чувствую их чётче. Самая крупная группа – перед нами, они удаляются!

– Продолжаем движение!..

Не было времени ни на использование дронов, ни на аккуратное продвижение. Капитан ясно понимал, что ещё несколько минут – и Фарид со своими геокинетами вполне может улизнуть, попросту закопавшись в стены и выйдя из радиуса обнаружения силами биокинетов. А дальше искать их будет настолько же эффективно, насколько перспективны поиски песчинки золота среди пустыни...

Впереди снова что-то гроыхнуло, а спустя полминуты отряд вышел к массивной каменной плите, перекрывшей ход. Молча, не сговариваясь вперёд вышли телекинететы, и пси-сверло огромной мощи вбурилось в породу. Камень трещал и скрипел, осыпаясь пластами, а пыль стояла столбом. Телекинететы, сконцентрировавшись, за считанные секунды проделали достаточных размеров дыру: плита оказалась тол-

щиной в метр.

И всё же, даже эти секунды – время, которое утекало сквозь пальцы.

В гарнитуре прозвучало сообщение от Юсуфа: его группа вступила в бой с существенной частью противников. Это и обнадеживало, и прямо указывало на то, что Фарид пытался сбежать.

Самир прибавил ходу, в то время как впереди вновь загрохотало. Телекинеты снова выдвинулись вперёд, готовясь проделывать очередной ход, как вдруг грохот резко оборвался, и по тоннелям разнёсся полный жути и боли слитный вопль нескольких глоток.

– Они не успели! – Самир, пригнувшись, проскользнул под на треть опустившейся каменной плитой, прицелившись вперёд. Подствольный фонарь рассёк полумрак белоснежным лучом, обеспечивая для ПНВ около-идеальную картинку... и капитан застыл на мгновение, силясь осмыслить картину, открывшуюся его взору.

Фарид, – а никем иным человек в характерных одеяниях быть, пожалуй, не мог, – метался среди рассыпавшихся безвольными куклами тел, бормоча что-то себе под нос и пытаясь докричаться хоть до кого-то. Его группа сопровождения же не подавала признаков жизни: из них словно разом вырвали стержни, побросав пустые оболочки в холоде подземелий.

– Есть контакт с Фаридом. С тем, что тут произошло, раз-

берёмся позже. — Жестом Самир придержал псионов, которые, казалось, хотели ринуться вперёд первыми: они словно чувствовали что-то, но не могли облечь это нечто в слова. — Приступаем к захвату. Контроль!

Его поредевшая группа к этому моменту уже заняла позиции, так что черед одиночных выстрелов по телам под наблюдением биокинета, подтвердившего поражение и целей и отсутствие воздействия одарённых противника, послужила своего рода спусковым крючком. Штурмовики быстро и чётко, следуя давно отработанным алгоритмам проверили тоннель на предмет непредвиденных сюрпризов, после чего захватили цель, удостоверившись в том, что это и есть старший советник Севера.

Пока что никто, от рядовых до капитанов групп, не пытался понять, что конкретно убило троих неслабых геокинетов: у них была другая задача. Скоординировавшись, десантники вывели не слишком адекватного, сулящего любые блага за спасение своей шкуры от Собора Фарида, погрузили его в один из вертолётот, набив тот псионами, и отправили в столицу, оставив часть людей для завершения зачистки: оставить позади недобитков не хотел никто.

А в это самое время Аватар садился за стол переговоров с остальными членами Собора, ибо те, наконец, созрели для обсуждения будущего Южного Калифата...

Глава 8. Явление народу.

Невообразимо простые, но при том образующие сложнейшую архитектурную композицию своды дворца Собора в столице разительно выделялись среди куда более приземлённых, «обычных» построек. Цвета – белоснежный, кремовый и золотистый, переплетались, сталкивались и расходились, объятые в довесок ко всему изумрудно-зелёной, совсем не свойственной местности зеленыю.

Дворец был дворцом в полном смысле этого слова, и не смотрелся ни аляповато, ни чрезмерно пафосно. Вместо этого он походил на оазис посреди пустыни, а то и райские кущи, в которых сновали, впрочем, не одни лишь гурии. Людей во дворце было с избытком. Слуги и служанки, охрана, военные, политики разных рангов, члены их свит и даже семей – появление воронки привнесло в сердце столицы ряд определённых изменений, продиктованных хаосом, неразберихой и стремлением каждого не терять близких из поля зрения.

И на этот своеобразный шабаш подоспели те, кого одновременно и очень хотели, и совершенно не ожидали здесь увидеть: члены Собора, вместе с которыми прибыл и некто в шлеме, неузнанный, но распространяющий вокруг себя подавляющую, жуткую ауру. Хуже всего приходилось псионам, так как они оказались к этому значительно более чувстви-

тельными. Некоторые, из необученных или скрывающихся, периодически вообще теряли сознание, не выдерживая такого соседства.

Но было ли до этого хоть какое-то дело Аватару? Едва ли: он присутствовал здесь телом и частью разума, но по большей части наблюдал за «оригиналом», его породившим. За тем, как Он заканчивал подчинять и поглощать ноосферу, словно гигантский паук, ткущий нечто вроде кокона вокруг своей и не сопротивляющейся уже добычи. Он видел всё и даже больше, но вот глазами Аватара не видел совершенно.

Потому что не желал ничего знать, не желал даже в малом помешать тому, что мог сделать, – и не сделать тоже, – Аватар.

Члены Собора, – Джамаль, Хусейн и Маджид, – шли сквозь вывернутый наизнанку мир своего же дома. Их охрана, обычно исполняющая сугубо церемониальные функции, теперь была вынуждена в действительности расчищать членам совета путь. И где? Во дворце! В самом сердце Калифата! Люди, коих в коридорах было более, чем достаточно, раступались, но по большей части не от страха столкновения с охранением, а от давящего, внушающего ужас присутствия человека в монолитном шлеме.

Он шагал совершенно бесшумно, и его невозможно было даже заметить, не высматривая что-то лишнее целенаправленно. И тем не менее, люди, оказавшиеся поблизости, инстинктивно начинали искать то, что их пугало. И они находи-

ли, делая работу охраны занятием куда как более простым.

Процессия миновала внутренний сад и внешние коридоры, выстроенные таким образом, что попасть в центр комплекса, минуя их, было невозможно. Джамаль всю дорогу морщился, невольно обращая внимание на то, чем всегда гордился: сверкающая чистота дворца уступила место пыли и редкому мусору, зелень словно поблекла, цветы смотрели строго вниз, а воздух вместо привычного Собору аромата жасмина и роз пропитался нотками едкой гари, доносящимися откуда-то из города.

Люди паниковали, и, как было заложено в их природе, делали это с чувством, толком и расстановкой. Да и можно ли было ожидать иного, когда даже весь цвет нации, лучшие из лучших, превратили дворец в один огромный лагерь для беженцев?

– Мы будем долго замаливать эти грехи... – Пробормотал Джамаль, когда они ступили в Зал Четырёх Сторон Света, представляющий частично открытый, просторный полу-сад, разделённый на секции массивными, устремлёнными ввысь гранитными сводами.

Даже здесь, в месте, куда обычно не допускался никто кроме членов Собора и ими приглашённых, царило столпотворение: у подножия чёрных обсидиановых полумесяцев ютились семьи чиновников, разбившиеся по небольшим группам. Дети, не до конца понимающие причин происходящего, играли со всем, чем придётся, понемногу проникаясь

атмосферой всеобщего страха и томительного ожидания. Их матери, разбившись на группы внутри групп, тихо обсуждали что-то своё, пока мужчины яростно спорили, силясь найти идеальное решение или, хотя бы, заглушить жуткий ужас словами и эмоциями. А на некогда роскошных пушистых коврах, ныне затоптанных грязными сапогами, кругом сидели солдаты, с механической, отрешённой точностью занимающиеся чисткой оружия.

В дальнем углу, опершись лбом о холодный камень гранитной колонны, стоял молодой клерк. Его плечи мелко и неконтролируемо дрожали, чего он и не пытался скрыть, в отличие от окружающих его истово молящихся верующих.

Джамаль поджал губы, жестами отсигналив охране и направившись к столу совета, на котором сейчас была свалена целая груда всего, от карт с бумагами до грязных кружек. Но и сам стол не был пуст. За ним, окружённые бессистемно разбросанными бумагами и планшетами с данными, сидели трое мужчин. Их безупречно отутюженная, тёмно-песчаная форма с золотыми нашивками высших рангов резко контрастировала с окружающим хаосом. Генералы. Лица – словно высеченные из мрамора, грубые, резкие и такие же бледные, испещрённые морщинами. Они не суетились и не спорили, монотонно и уверенно решая наиболее актуальные задачи.

Сейчас же тяжёлые, оценивающие взгляды устремились на приближающихся членов Собора.

– Старейшины. – Поднялся самый старший из генералов.

Его голос был басовитым и оглушительно-громким, как у всякого опытного офицера, но сейчас он прозвучал сдержанно и, насколько это применимо в нынешних условиях, даже церемонно. Он поочерёдно кивнул Джамалю, Хусейну и Маджиду, а вот Аватара он удостоил лишь суровым взглядом, не выдавшим даже тени удивления: свои лимиты на это чувство он исчерпал многими часами ранее. И всё же, он учёл присутствие устрашающей фигуры, державшейся на равных с членами Собора, и вдобавок подавляющей всех вокруг не слишком тщательно сдерживаемой мощью. – Эмир Салим ибн Рашид аль-Хадрами. Генерал-полковник. Мои коллеги – генерал армии Карим аль-Наджар, генерал-полковник Юсуф ибн Фарис. Мы прибыли по вашему приказу. – Эмир вновь обвёл рассаживающихся за столом членов совета взглядом, задержав тот на Аватаре, который так и остался стоять за спиной Джамалья. – Вынужден сообщить о том, что обстановка критическая и продолжает ухудшаться.

(прим.Авт: касательно имён. Если “перевести”, то Салим представился примерно как “Командующий Салим, сын Рашида из Хадрами”. Фамилий у арабского населения востока раньше не было, да и сейчас они используются постольку-поскольку, насколько мне удалось выяснить. Традиционно именно такое представление имеет вес на востоке).

– Нам известно об этом, Эмир. – Джамаль пусть и сел, но всё так же продолжал опираться на трость. – Доложите о самом важном. Кратко.

Генерал Салим не стал церемониться, коснувшись проектора и выведя на всеобщее обозрение голографическую проекцию Южного Калифата и всего Африканского континента. Воронка зияла чёрным пятном у западного побережья, и была уже существенно больше, чем всего несколькими часами ранее.

– Воронка. – Голос генерала стал жёстче. – Скорость поглощения суши выросла на, приблизительно, сорок процентов за последние двенадцать часов. Сейсмические толчки, ранее регистрируемые скорее как фон, теперь достигают балльности, разрушительной для любых незащищённых построек на всём западном побережье Аравии. Мы эвакуируем прибрежные города в авральном режиме, но процесс осложнён массовой паникой. Транспортные артерии парализованы. Порты – перегружены до предела и сверх того. Люди штурмуют корабли, пытаясь пробраться на борт, чем усугубляют положение: уже сейчас наши основные пути водного сообщения существенно потеряли в эффективности. Мы вынуждены выделять всё больше сил для поддержания хоть какого-то порядка...

Он переключил проекцию, и на той вспыхнуло множество алых точек, нередко сопровождающихся пульсирующими контурными линиями маршрутов.

– Сепаратисты. – Слово взял генерал Карим, как, очевидно, ответственный за эту часть проводимых в данный момент операций. – Помимо покушения на членов уважаемого Со-

бора, они так же активизировались во всех «горячих зонах». Мы уже потеряли часть форпостов и две пограничных военных базы, остальные пока удерживаем. Но под ударом так же магистрали, энергетические объекты, нефтеперерабатывающие заводы. Противник действует особенно активно, явно намереваясь путём захвата ключевых точек взять под контроль наименее защищённые провинции. И их силы оказались существенно выше расчётных. – Он посмотрел прямо на Хусейна. – Ваше неожиданное возвращение, советник... – Генерал слегка запнулся, подбирая слова. – ... лишило нас значительной части элитных пси-подразделений, сейчас закреплённых за столицей. Они необходимы на фронте.

– Насколько это критично, генерал?

– Крайне. Если уменьшить столичный гарнизон до минимального, мы высвободим порядка семи десятков псионов высокого ранга. А это – сила, с которой мы сможем уверенно нарушить сообщение между отдельными группировками сепаратистов. Мы уже закрыли небо для всего гражданского авиасообщения, так что их единственный вариант – земля. – Генерал замолчал ненадолго: – Каждый лишний одарённый сейчас способен сохранить жизни десятков и сотен простых солдат.

Джамаль опустил веки, задумавшись на несколько секунд. После, встрепенувшись, он посмотрел на Хусейна и Маджида:

– Ваши мысли?

– Если угроза исходит от спецподразделений сепаратистов, то нет никакой нужды держать в столице полный гарнизон псионов. Привлекать их для подавления беспорядков нет смысла, и на поле боя они действительно нужнее. – Осторожно высказался Хусейн, взвешивающий каждое своё слово. Не то, чтобы он был не уверен в собственных суждениях и выводах, но груз ответственности в критический момент давил особенно сильно.

– Согласен с этим. – Кивнул Маджид. – Нам не обязательно покидать дворец, а взять его приступом – задача не из лёгких. И я не говорю об убежищах, из которых мы точно так же сможем контролировать происходящее.

– Вы всё слышали, генерал. – Степенно кивнул Джамаль. – Что говорят аналитики касательно воронки?

Генерал Юсуф, молчавший до сих пор, поднял голову.

– Если темпы поглощения не изменятся... – Он переключил проектор, отобразив воронку в большем масштабе. – ... и сейсмическая активность продолжит нарастать такими темпами... Две недели до того момента, когда толчки станут действительно опасными уже здесь, в столице. И это максимум. Но хаос поставит жирную точку куда раньше: уже сейчас мы, как отметил Эмир, испытываем большие трудности с поддержанием порядка в крупных городах. Материальных ресурсов достаточно, но вот людские под вопросом. Дисциплина начинает трещать: слишком многие беспокоятся о близких, которых нельзя обезопасить всесторонне. Если

не произойдёт чуда, то коллапс всей системы – вопрос времени, старейшины.

Повисла неприятная, напряжённая тишина. Генералы смотрели на Собор как на тех, кто может и должен решить даже такую проблему по праву власти. В их взглядах читалась готовность исполнить любой приказ, но там же проглядывался полный отчаяния вопрос: Что дальше?

Хусейн неопределённо, безо всякой иронии, но с в обилии присутствующим смирением хмыкнул:

– Чудо...

Затем, обращаясь уже ко всем сразу, он поднялся со своего места, громко и чётко произнеся:

– Генералы Салим, Карим, Юсуф. Я полагаю, ваше дальнейшее присутствие на советах Собора – продиктованная обстоятельствами необходимость. – Он посмотрел на «коллег», и те кивками выразили одобрение его решению. – То, что мы будем обсуждать, может вам не понравиться, как может и разгневать. Но именно это можно назвать чудом, хотите вы того или нет. И оно же определит, будет ли у Калифата завтра.

Хусейн обернулся и посмотрел на безликий визор шлема «гостя».

– Лжебог, место за нашим столом – твоё.

Жест мужчины указал на одно из свободных мест, став одновременно и приглашением, и актом окончательной капитуляции старого порядка перед лицом неумолимой чере-

ды судьбоносных событий.

Аватар шагнул вперёд, обогнув стол и пройдя мимо генералов, которые, только-только осознав, кто предстал перед ними, дружно отпрянули, словно от источающего жар бруска раскалённого железа. Он остановился подле кресла, демонстративно окинув взглядом собравшихся: членов Собора, подобравшихся генералов, голографическую проекцию гибнущего континента.

Намеренно ли, или не очень, но давление присутствия Лжебога стало ещё более ощутимым, заставляя учащённо биться даже сердца закалённых службой в не самой спокойной стране генералов.

Аватар медленно опустился в кресло, сняв шлем и продемонстрировав людям вполне человеческое, пусть и чрезвычайно спокойное, лицо.

– Полагаю, теперь вы готовы к переговорам?..

Глава 9. Не Востоком единым.

Аватар сидел за столом переговоров, вещая, открывая тайны и убеждая, ставя ультиматумы и раскрывая людям глаза на истинное положение вещей.

И одновременно с тем он видел.

Не глазами, ведь они были лишь удобной призмой восприятия для ограниченного смертного разума. Он видел всей своей сущностью, телепатически касаясь с трепещущей, стенающей паутиной ноосферы. Та хоть и находилась в полном беспокойстве, но посредством её Аватар всё ещё мог заглядывать в те места, где присутствовало достаточное количество дееспособных людей.

Благодаря этому вся Земля была для Аватара сродни открытой книге, каждая страница которой сейчас содрогалась и стенала в ужасе.

Воронка пожирала материю на западе Африки, – и вот-вот должна была прекратить это делать, насытившись, – но основной проблемой была отнюдь не она сама. И даже не ментальное цунами, ударившее по людям через ноосферу, искажаясь и преломляясь в сотнях миллионов отдельных разумов.

Проблемой оказались сами люди, паникующие и презирающие такую простую вещь, как рациональность.

Мир полыхал, и Артур Геслер наблюдал за этим с хладнокровием того, кто уже всецело осознал масштабы стоящего на кону и смирился с ценой, которую придётся заплатить даже за один лишь шанс на спасение.

Улицы метрополий Западной Европы ещё недавно сияли порядком, а теперь кишели толпой сходящих с ума полужверей, отстранивших от управления телом ум в пользу чего-то более примитивного. Колоссальные пробки пронизывали города, полностью парализуя транспортное сообщение. Вереницы испуганных людей стремились уйти куда угодно, но ещё большее их число ударилось в бессмысленное и беспощадное мародёрство. Мало где можно было увидеть уцелевшие витрины, а магазины выгребли «под ноль» ещё в первые дни. Мародёры охотились даже за вещами, не имевшими для выживания ни малейшей ценности.

Это была жалкая попытка вернуть себе хотя бы каплю власти над окружающим миром, но закономерным итогом её стало усугубление ситуации. Полицейские барьеры гнулись и рассыпались, на проспектах и дорогах оставались лежать бездыханные, затоптанные тела, а надо всем этим ужасом не переставали мелькать десятки дронов, снимающих «контент» для социальных сетей, давно прекративших всякие попытки хоть какой-то модерации.

Правительство призывало не паниковать, но вышло так, что для «апокалипсиса» у властей просто не доставало средств контроля.

В то же время по схожему, но отличающемуся в ключевых деталях сценарию разворачивались события в Штатах. Масовые скопления людей разгонялись с применением, в числе всего прочего, летального оружия. И так как команда на это была дана своевременно, «точка невозврата» пройдена не была.

Мародёрство и погромы имели место быть, но мобилизованных сил правопорядка, усиленных военными, не скованными потенциальной агрессией на границах, хватало для минимизации ущерба. Гегемон уверенно оправдывал это своё звание, умудряясь оказывать помощь своим вассалам на других континентах.

Впрочем, другой стороной этой медали было то, что граждане, закупившись всем необходимым, заседали в домах чуть ли не на осадном положении, не убирая далеко огнестрельное оружие. Нередки были смерти среди тех, кто от отчаяния, не имея никаких запасов, включая жизненно необходимые лекарства, или по дурости забирался на чужие участки, натываясь на людей, готовых защищать имущество с оружием в руках.

Взращенное за века недоверие к власти лишь всё усугубляло: чествуемый нацией индивидуализм стал ловушкой. Люди оказались банально неспособны к кооперации даже перед лицом конца.

Таким образом, паника в Штатах была громкой, широко и всесторонне освещаемой, формально контролируемой, но

при этом вооружённой до зубов и чрезмерно «самостоятельной».

На территориях Российской Империи всё было иначе, ибо у этого гегемона были свои сильные и слабые стороны. Пока в Сане Джамаль пытался выторговать для Калифата как можно больше прав и сбросить со своих плеч обязанности, а в Штатах генералы морщили брови от многочисленных сообщений о сигналах вдоль морских границ, в кабинете Хозяина Трона падала одинокая капля крови.

Алый цветок расцвёл на вовремя подставленном белоснежном платке, но Император даже не моргнул, откладывая платок в сторону. На нескольких экранах струились потоки данных, а на одном отображались приказы, которые Алексей Второй рассылал по самым дальним, – и не только, – уголкам необъятной Империи. Очередной пакет поступивших сообщений с Дальнего Востока заставил мужчину улыбнуться одними уголками губ:

«Эффективно. Жаль, даже с моими возможностями нереально успеть везде...».

Страна пусть и не так явно, но варилась в собственном соку, словно забытый на сильном огне шмат мяса в наглухо закрытой кастрюльке. Алексей Второй хотел бы успеть везде, проконтролировать разрешение каждого инцидента и вообще держать в своих руках абсолютно всё, но практика показывала, что даже разум опытейшего телепата шестого ранга пасовал перед такой задачей. Управление страной в дни

кризиса такого масштаба требовало слишком много ресурсов и одновременного личного присутствия в самых разных уголках страны, что было физически невозможно.

Великое благо, что сыграла ставка на Оболенского с его лагерем. Как и ожидалось, те включились во внутреннюю борьбу на стороне Трона, отчасти компенсировав разрушительное влияние дворян, посчитавших допустимым вонзить отчизне нож в спину, в прямом или переносном смысле. В первом случае Империя отвечала сильно и резко, огнём и мечом наказывая предателей, вырезая целые рода и в лучшем случае оставляя одного-двух их членов как тех, через кого удастся восстановить старую фамилию в новом, лояльном Трону виде.

Во втором же всё было сложнее: у Империи не хватало ресурсов для тонкой игры и интриг, ибо большая их часть была брошена на борьбу с беспорядками и предвосхищением выпадов со стороны внешних врагов. Цесаревич Владимир, бесспорно, демонстрировал свои социальные, торговые и политические таланты с наилучшей стороны, организуя личные визиты, собрания и даже балы, через них привлекая к активному участию в стабилизации ситуации аристократию из числа нейтралов, но и он действовал как продолжение воли Трона.

Соответственно, остро стоял вопрос о том, как скоро и в какой форме лоялисты намекут на ответную любезность со стороны Императора.

Сам наследник в это время стоял у окна, а за его спиной, на большой кровати, подключённая к целой груде сложных устройств, лежала Лина Романова. Рядом с ней сидела хмурая, клюющая носом Ксения, а у подножия кровати пыталась слиться с окружающим пространством телохранительница – пиро- и аэрокинет четвёртого ранга, ведомая долгом, но при этом всем нутром ощущающая, что ей здесь не место.

За окном, там, куда смотрел цесаревич, сильный ливень смывал последние следы отбывшего автомобиля, в котором находился Великий Князь, Дмитрий Оболенский. Они с ним только-только имели весьма плодотворную беседу, и теперь Владимиру предстояло начать претворять в жизнь все оговорённые планы, пока в этом ещё был какой-то смысл.

Конечно, Оболенский буквально поклялся в том, что трения на границе с Единым Китаем будут сведены к нулю даже несмотря на засилье «обычных рыбаков», будто бы прощупывающих почву для несвоевременного начала очередного территориального спора, но не подстраховаться наследник не мог. Пусть даже ему и без этого «нюанса» было, чем заняться.

Владимир искренне не понимал такого поведения соседа как человек, но как будущий правитель и политик не мог не отдать владыкам востока должное: даже под угрозой кризиса, не обладая весьма точными, – хотелось бы верить в то, что Аватар действовал точно так, как озвучил ранее, – данными касательно исчезновения воронки, они продолжали пред-

принимать ходы с расчётом на извлечение выгоды спустя годы.

Что же до самого Единого Китая, то контраст между этим государством и остальным не-азиатским миром можно было назвать разительным настолько, насколько это вообще было возможно. Несмотря на самые масштабные на единицу площади проблемы, вызванные своего рода телепатическим штормом, дисциплина и порядок удерживались железной хваткой партии так крепко, что со стороны могло показаться, будто страна наводнена миллиардами не людей, но программируемых биомеханизмов.

Многолетняя подготовка к новому витку внешней агрессии или внутренних проблем окупилась сторицей уже в первые часы, когда потоки данных во внутренних сетях и СМИ были взяты под контроль, а политика партии в отношении наступающего коллапса дублировалась так же всеми лидерами мнений до единого. «Дивергенты» появлялись и исчезали так быстро, что не было ни малейшего шанса на образование сносящей привычные устои и правила войны.

Весь народ словно руководствовался принципом «Дисциплина – превыше всего!» или «Любые жертвы ради общего блага!»...

Но это было исключительно «первое впечатление» и то, что можно было увидеть, не погружаясь в проблему. Единый Китай уверенно держал эту маску, под которой, впрочем, Лжебог прекрасно видел бурлящий океан страха. Страх

перед властью, страх за родных, страх сказать одно лишнее слово, лишиться всего и потерять лицо – всё это цвело и пахло там, где с виду дела обстояли лучше, чем в любой другой точке мира.

Полной противоположностью Китаю Аватар видел Южную Азию, страны которой никогда не славились дисциплиной или тем, что остальные считали признаками цивилизации. Здесь «апокалипсис» наложился на повседневную борьбу за выживание. Улицы превратились в бурлящие реки людей, стремящихся в неведомом никому кроме самого этого потока направлении. Храмы были забиты до отказа, а густой, щиплющий глаза дым благовоний смешивался с запахом пота и страха. Ноосфера подрагивала от тысяч и тысяч голосов, поющих мантры и молящихся самым разным богам в отчаянной надежде на то, что хоть один услышит и откликнется.

Жрецы и гуру, чей собственный страх прикрывала фанатичная уверенность, призывали к очищению и жертвам. Вспышки насилия были продиктованы не столько мародёрством, сколько «ритуальным» разрушением. Сносились лавки и религиозные постройки «ложных» богов, поднимались на копыта «чужаки», полыхали костры, «очищающие» тех, кто, по мнению людей, был грешен, и тянул праведных за собою следом.

Паника здесь была яростной, пропитанной гневом и истерикой. Запах свежей крови и выпотрошенных внутренностей смешивался с ароматом цветов, возложенных к статуям

богов, образуя весьма своеобразную, причудливую смесь.

Австралийский континент в противовес всему этому подерживал стабильность и порядок даже принимая беженцев: обилие свободной земли и замкнутая «на себя» система обеспечения населения товарами первой необходимости позволяли играть «в благородство», а обособленность на отдельном куске земли – не испытывать проблем с соседями. В каком-то смысле, Австралия переняла все плюсы Штатов и Российской Империи, не «нахватав» тянущих гегемонии ко дну минусов.

Особый порядок в воцарившемся на планете хаосе имела глубинка любой из стран, на какую ни укажи. Старики собирали припасы и запирались в домах, тихо, тоскливо и обречённо глядя на небосвод в ожидании чего угодно. Молодёжь либо впадала в ступор за недостатком опыта, либо сбивалась в банды, готовясь оборонять свои дома от любого чужака, будь то случайный путник или отряд правительственных солдат.

Здесь панику можно было описать как нечто первобытное, безынициативное и обречённое, продиктованное исчезновением такой привычной стабильности.

Наименьший интерес во всём этом для Аватара представляли регионы, расположенные в непосредственной близости от воронки, ибо там события развивались по единому, конкретному сценарию: воронка поглощала и уничтожала, а люди или спасались бегством, или собирали крупички научных

данных в стремлении понять, что происходит, и как это остановить.

Основным источником мотивации для многих стал тот факт, что миры за стабильными и не только разломами не походили на то, что перемолола гигантская аномалия.

Следовательно – это явление было или локальным, или временным. И очень многих это вполне устраивало, так как любая глобальная встряска виделась правителям как способ перекроить текущее мироустройство и выгадать для себя и своих стран кусочек получше.

Двое суток, которые Аватар озвучил Императору при их первой (для этого воплощения) встрече, подходили к концу. Оставалось не более девяти часов, после чего Он, наконец, завершит начатое, и с планеты исчезнет наиболее сильный и влияющий на всё сразу дестабилизирующий фактор – воронка.

(прим.Авт: в первой главе была допущена ошибка. Не “12 часов”, а “двое суток” до озвученного Аватаром исчезновения воронки).

Этот момент должен был стать ключевым как минимум в том плане, что именно тогда мир во второй раз встряхнёт: исчезнувшая угроза одновременно и заставит всё человечество выдохнуть, и ввергнет планету в хаос, военный, политический и торговый. Такая встряска не пройдёт бесследно ни для кого, и, как прогнозировал Аватар, с политических карт даже пропадёт парочка не самых крупных восточных стран.

Но наибольшее влияние на планы Аватара окажет тот факт, что люди, столкнувшись с, очевидно, связанным с Пси и псионикой катаклизмом, неостановимым, масштабным и крайне опасным, могущим возникнуть в любой точке планеты, обратят внимание и на куда менее «срочные» проблемы.

Исследование разломов, повышающаяся концентрация Пси, отсутствие должного к этому внимания – Аватар рассчитывал на то, что человечество, начав продвигаться в этом направлении самостоятельно, впоследствии примет его План с куда как меньшим сопротивлением.

А это – потенциально миллионы жизней, которые ещё можно сохранить.

Взглянув на членов Собора и их генералов, Аватар повторно осмыслил всю прошедшую беседу, за доли мгновения взвесив свои последующие слова и проверив мысли всех присутствующих. Среди них не было телепатов, и уж тем более – сильных, каким был, например, Алексей Второй, так что процесс не отнял ни особого времени, ни сил.

– Мои условия вам всем известны. В течение нескольких дней я могу обезглавить сепаратистов, и передать вам координаты их ключевых объектов, уничтожение которых позволит относительно легко зачистить территории Южного Калифата. Но в отношении стран-соседей моё мнение не изменится: вы можете рассчитывать на мою поддержку не ранее, чем через два месяца, считая с этого момента. – Аватар говорил спокойно и размеренно, дополняя речь телепатическим

посылом, скрадывающим те незначительные шероховатости, которые в ином случае могли растянуть переговоры в разы.

Всё же и члены Собора, и высокопоставленные генералы были людьми с характером и убеждениями, которые могли в случайный момент времени «вскинуться», застопорив дальнейшее обсуждение.

И если абсолютно незаметное воздействие могло сэкономить часы, то Лжебог обязан был к оному прибегнуть.

– Почему? Именно сейчас, при условии оказания нам помощи, захват пройдёт наиболее быстро и безболезненно для наших сил. Соседи ослаблены, и им не справиться со внутренними проблемами так же быстро, как можем справиться мы. – Генерал Салим недвусмысленно указал на то, что именно помощь Лжебога позволит им оправиться быстрее всех прочих. – Но задержка в два месяца и более лишит нас этого преимущества...

– С точки зрения военных действий вы, господа, правы чуть более, чем полностью. – Аватар усмехнулся. – Но я уверен в том, что начало военной интервенции в ближайшие недели приведёт к жертвам среди гражданских лиц настолько огромным, что это с лихвой перекроет всякую потенциальную выгоду и для Калифата, и для Плана.

– Мы можем начать действовать и без вашей непосредственной помощи. – Прищурился Салим, но его тут же осадил Маджид, жестом обозначив своё право говорить.

– Аватар знает, о чём говорит. – Маджид обвёл взглядом

в первую очередь генералов, напирающих на необходимость реализации своего преимущества. Все они жаждали поквитаться с соседями, с которыми Калифат связывала историческая хроника, полная крови и предательств. – Все мы знаем, в каком состоянии сейчас находится Калифат. И спроецировав наши проблемы на соседей, можно сказать, что в случае начала полномасштабного вооружённого конфликта гуманитарная катастрофа усугубится до уровня, когда её невозможно будет купировать. Голод и болезни могут отнять жизни миллионов.

– Честнее будет сказать, что они точно их отнимут. – Кивнул Джамаль. – И раз уж мы решили действовать сообща, то весьма неосмотрительно будет расходиться во мнениях в первую же встречу. Я предлагаю действовать в соответствии с предложением Лжебога. По крайней мере, если обстоятельства не потребуют иного.

– Поддерживаю. – Степенно кивнул Хусейн. – Что скажут генералы?

Те пусть и имели на этот счёт своё собственное мнение, но и дальше настаивать на том, против чего высказались все члены Собора, не стали. Преданность и верность долгу, как и всегда, перевесили всё остальное.

– Значит, решено. – Джамаль кивнул удовлетворённо, и даже слабо улыбнулся. – Ты всё слышал, Лжебог.

– Да будет так. – Артур Геслер или часть того, что некогда было им, отразил жест и улыбку старейшего советника Со-

бора. – Я начну действовать незамедлительно. Всё сообщение со мной – через Хусейна. Будьте готовы мобилизовать резервы.

Мало кто заметил тот миг, когда Аватар исчез из-за стола. Члены Собора, впрочем, не особенно этому удивились, уже успев не только всецело осмыслить то, чем или кем являлся Лжебог, но и свыкнуться с мыслью о том, что с ним теперь придётся контактировать регулярно.

Генералы же, отойдя от столь явной демонстрации подавляющей мощи Лжебога, переглянулись, после чего, получив дозволение членов Собора, сразу же принялись за проработку дальнейших планов: требовалось изыскать пресловутые резервы, чтобы, по крайней мере, не ударить лицом в грязь перед неожиданным союзником.

Первые шаги в исполнении Плана на Дальнем Востоке были совершены, и наступила пора активных действий...

Глава 10. Бойня.

Глубоко под выжженными солнцем и до камня стёсанными шквальными ветрами холмами скрывались запутанные переплетения лабиринтов тоннелей и громад залов с заполненными техникой ангарами. Прямо сейчас оттуда выгоняли на поверхность технику: багги, пикапы, бронетранспортёры и даже несколько танков.

Людьми же база кишела настолько сильно, что даже местным старожилам казалось, будто их резко переселили в муравейник. Сотни и тысячи мужчин получали форму и оружие, и ещё больше некомбатантов было призвано, чтобы поддерживать всю эту толпу в дееспособном состоянии. Причём нередко – удерживаемых тут насильно, так как у сепаратистов были свои представления о том, что правильно, а что – нет.

Выросшие из очередной религиозной группировки, подчинившей и поглотившей конкурентов, они являли собой существенную силу, не чурающуюся даже самых отвратительных методов.

– Пошевеливайтесь, погрузка должна быть завершена через сорок минут! – Прикрикнул бородач, размахивающий издававшим виды автоматом. Рабы, – а никем иным невольных работников считать было нельзя, – засуетились пуще преж-

него, на некоторое время увеличив темп перемещения коробов с разнообразным снаряжением в кузов грузовика. – Со всем расслабились, бесполезные!..

– И не говори, аху. – Второй сепаратист, «круто» закинув автомат на плечо, деловито закивал. – Не успеем – с нас головы снимут...

– Так помогайте, Шайтан бы вас побрал! – Выругался мужчина из тех, кого сюда силой пригнали сугубо для силовых работ. Ему было страшно, но гнев в этот конкретный момент оказался сильнее.

Лицо бородача перекосилось, а глаза налились кровью:

– Кельб! Как смел ты открыть свою пасть?! – Он вскинул автомат, как показалось сначала, чтобы пригрозить, но спустя миг гроыхнула короткая очередь. Пули прошили ноги «бунтаря» чуть выше колен, и мужчина с диким воплем рухнул на землю, хватаясь за раздробленные конечности. Кровь хлынула на бетон, жутким узором растекаясь по мелким выщербинам. Бородач широкими шагами подошёл ближе, сплюнув прямо на корчащегося человека. – Вот твоя помощь, ибн-аль-хель. Теперь ты бесполезен вдвойне! Доигрался, хмар?!

Бородач с силой пнул мужчину по раненой ноге.

Второй сепаратист в это же время равнодушно посмотрел на часы:

– Аху, не пачкай его смердящей кровью это место больше, чем необходимо. Тащи его к свалке. – Он передёрнул за-

твор автомата, окинув взглядом остальных рабов, сжавшихся в ужасе и побледневших. – Чего встали?! Пошевеливайтесь! Или хотите присоединиться к этой смрадной псине?!

Рабы тут же посрывались со своих мест, дрожащими руками хватая ящики и оттаскивая в кузов грузовика. Сепаратист довольно ухмыльнулся, глядя на бородача, схватившего подстреленного раба за ногу и потащившего его в «отстойник», откуда уже не было ни единого шанса выбраться живым.

Когда бородач скрылся из виду, второй сепаратист обратил всё своё внимание на рабов, которые вполне могли попытаться воспользоваться отсутствием одного из надсмотрщиков. Но те, перепуганные до полусмерти, усердно таскали ящики, даже не думая ни о чём таком.

Сепаратист отошёл чуть в сторону, как вдруг где-то наверху гроыхнуло...

Немногим ранее, центральный зал командного бункера.

Абдулла аль-Захири, главнокомандующий повстанцев, стоял, склонившись над тактическим столом, и не мог скрыть своего гнева. Багровое, пошедшее пятнами лицо, бешеный взгляд – всё указывало на то, что он готов вот-вот взорваться.

– Фарид, идиот! Эта предательская тварь! – Крик мужчины эхом отразился от бетонных сводов бункера, заставив вздрогнуть даже ко многому привычных бойцов охраны. – Его схватили как вшивого щенка! И с ним – наши лучшие

геокинететы! Кто?! Кто та бесталанная сволочь, что санкционировала эту операцию?!

Ни один из собравшихся тут стратегов и тактиков не рискнул открыть рот и сказать, что и переговоры с «разумным Фаридом», и согласование операции проводил лично командующий Абдулла. Тобишь, тот, кто сейчас активно искал виновных, держа руку на рукояти любимого пистолета, покрытого золотом и серебром.

– Спокойнее, Абдулла. Ярость – плохой советчик. – Поправил очки Амир, главный стратег и заместитель фактического лидера сепаратистов. – Да, Фарид провалился и сгинул. Но его группа выполнила часть задач: задержала Собор, лишила Калифат инициативы и возможности быстро отреагировать на происходящее. Был так же подорван авторитет Собора: сначала их попытка к бегству, а после и предательство – всё это ещё можно разыграть так, что простые люди примут нашу сторону. А геокинететы... найдём других. В Калифате скоро будет достаточно тех, кто с готовностью сменит сторону.

– Других? – Фыркнул Махди, третий мужчина за столом, коренастый командир пси-отряда и, неофициально, боевик пятого ранга. Он выдохнул облачко пара, как любил делать для усиления впечатления от своих сил. – Таких как те трое мы не найдём. Они могли разрушать целые районы, если дать им время. А новобранцы... что они смогут? Кирпичами швыряться? Опять же, нашим схемам их быстро не обучишь,

даже если появятся одарённые, что-то из себя представляющие, а не низкоранговый мусор!

– При этом Собор уже выводит войска из столицы, включая свои спецподразделения, которые, как меня клятвенно уверяли, будут стоять там до конца времён! – Прорычал Абдулла. – И никто из вас не может мне сказать, что они планируют, и почему именно сейчас!

– Фарид не знал о нас практически ничего. Вероятность того, что его раскололи и он что-то сболтнул, нулевая. – Амир покачал головой. – Вероятно, Собор просто решил попытаться счастья с возвращением своих военных баз. Но к моменту появления их войск в провинции мы уже закончим вывозить оттуда всё, то представляет интерес.

– Они не идиоты, чтобы допускать такие ошибки.

– Но в направлении, в котором они выдвигаются, нет ничего, кроме уже занятых нами объектов и непосредственно нашего штаба. О последнем им узнать неоткуда, а возвращать своё, когда у тебя вот-вот отберут что-то ещё... сомнительно, очень сомнительно.

– Мы должны ударить на опережение. – От Махди повеяло холодом. – Если мы не знаем, что они планируют, нужно просто разбить их силы на марше. Если выждать подходящего момента и двинуться равнинами вдоль дорог, может получиться взять их в клещи. Тучи и непогоду мой отряд может обеспечить такую, что ни спутники, ни дроны нас не обнаружат.

Амир вздохнул, снова поправляя очки.

– Рискованно. Очень. Но... да, медлить нельзя тоже. Если дать Собору время на перегруппировку и воплощение их планов, они могут пусть и случайно, но лишить нас инициативы.

– Тогда вместо разделения сил и удара по военным базам в регионе уничтожим группировку, которая вскоре должна выдвинуться в нашу провинцию. – Подвёл итог Абдулла, краснота с лица которого начала понемногу сходить. – Сместим время выдвижения на пару часов, отправим конвои с припасами в другую сторону, и...

Он не договорил, потому что наверху что-то гроыхнуло, а следом на штаб сепаратистов навалилась давящая, тяжёлая тишина. И это было не преувеличение: в один миг погас весь свет, затихла вентиляция, перестали гудеть компьютеры и прочие устройства.

Щелчок – и под потолком вспыхнули алые лампы аварийного освещения, вырвав из тьмы обеспокоенные, а то и испуганные лица командования сепаратистов.

– Что происходит?! Мы атакованы?!

– Вероятно, диверсионная группа псионов Калифата. Других вариантов нет. – Отрезал Амир. – Крупные силы мы бы не подпустили...

– Нужно подниматься вверх! – Махди оборвал стратега на полуслове и вскочил, двинувшись в сторону аварийных лестниц, которые замещали лифты в таких ситуациях. –

Я пересчитаю их кости, а осколками замороженных черепов вымощу крыльцо своего дома!

Когда псион пятого ранга пропал из виду, остальные переглянулись, а Амир продолжил:

– Подняться действительно стоит, но не через основной ход. В отличие от этого дуболома, нам прямое столкновение с псионами противопоказано. Лейтенант! – Один из офицеров охраны вытянулся во фрунт. – Открывайте ход номер три. И пустите по остальным солдат: пусть ударят в спину нападающим.

Таким образом сепаратист обеспечил «относительную слепоту» вражеских биокинетов, которые не смогут точно сказать, где цель, а где обманка.

– Чушь какая-то... – Абдулла, хмурясь, отнял от уха массивный «кирпич» примитивной рации. – Сообщают, что противник – одиночка.

– Имперец? – Амир повторил выражение лица командира. – Они могли прислать сюда своего «столпа»?

– Это бессмысленно. У Империи достаточно своих проблем, чтобы проводить такие операции в государстве, себя им противопоставляющем. – Абдулла двинулся в сторону открывшегося «потайного» хода, и следом за ним двинулись псионы-телохранители. – Убираемся отсюда. Если это одиночка, то ему же хуже: у нас достаточно сил и пробойщиков, чтобы смешать с грязью любого...

А на поверхности тем временем творился суший кошмар.

То, что секунду назад издалека напоминало самый обычный посёлок в глуши, изменилось так резко, словно кто-то щёлкнул выключателем. Среди то и дело вспыхивающих отблесков пламени замелькали люди, зарычали движки техники, рокотали автоматы, пулемёты и громыхали орудия. То тут, то там в стороны летели потоки плазмы, льда и спрессованной до состояния камня почвы. Небо рассекали трассирующие очереди, а взрывы как-то резко стали столь же естественным фоном, что завывания ветра минуту назад.

Вспыхивали и сгорали масксети, укрывающие схроны, траншеи, землянки и утопленные в почве стоянки для колёсной и гусеничной техники, открывая вид на гигантский, если не сказать колоссальный во всех смыслах лагерь. С его территории выбирались и вооружённые сепаратисты с техникой, и некомбатанты, в спины которым точно так же летели пули отчаянно ищущих врага негодяев.

Аватар ступил на выжженную почву немногим позже того, как дал о себе знать будущим жертвам. На него сразу навели как стволы орудий и призмы внимания многочисленных псионов, так и камеры. И если первые Аватар не стесняясь давил голой мощью, взрывая, замораживая, сжигая и разваливая врагов на ошмётки, то со вторыми он поступал иначе.

Он не собирался скрывать факт своего вмешательства, и потому операторы из числа сепаратистов поражались им точно – так, чтобы не повредить видео- и аудиозаписываю-

щую технику.

Конечно, сами сепаратисты не были столь любезны, чтобы беспокоиться о сохранности камер, но Аватар был уверен в том, хоть что-то, да уцелеет здесь. Тем более, многие транслировали происходящее непосредственно в сеть, словно это могло их спасти.

Вырвавшийся на оперативный простор грузовик с установленным в кузове крупнокалиберным пулемётом на полном ходу рванул прочь, пока в какой-то момент не сдетонировал так, словно в него засадили противотанковую ракету. Группа сепаратистов, ведущая огонь из ручного оружия, с криками ужаса взмыла в воздух, где их за доли секунды перемолол проявившийся лишь на миг вихрь ужасающей силы. Пирокинететы, направившие на силуэт Лжебога немонолитный поток плазмы разных оттенков, продержались немногим дольше: их пси-манипуляция разбилась о незримый барьер, а после неплотный пучок белоснежных лучей ударил каждому из псионов точно в лоб, проделав в головах сепаратистов аккуратные, исходящие дымом и паром отверстия. А танк, начавший доворачивать башню, в какой-то миг покрылся инеем, поверх которого стремительно вырос плотный ледяной панцирь. Изнутри в последний раз донеслись крики умирающих, после чего металл, вздрогнув, начал рассыпаться на осколки, словно повреждённое изваяние из стекла или льда.

Каждый сепаратист, на которого «обращал внимание»

Аватар, умирал жуткой смертью, в то время как некомбатанты-невольники наоборот выживали там, где, казалось, им ничего не могло помочь. Пламя словно огибало людей, а пули исчезали, не долетая считанных сантиметров до уязвимой плоти. И если сепаратистов в траншеях и землянках заваливало обломками и смещающейся почвой, то некомбатанты каким-то чудом оставались живы.

Бесспорно, отдельные случайные жертвы случались, так как Аватар не ставил перед собой целью обеспечить спасение абсолютно всех невинных, но было этих жертв на порядки меньше, чем могло бы быть.

– Ты, неверная тварь! – Прямо из стены пламени, дыма и пара в сторону Аватара хлынула стремительно разрастающаяся ледяная лавина, на пике способная играючи снести целый район какого-нибудь города. Но ей не суждено было развернуться во всю ширь: на её пути встал комбинированный пиро- и телекинетический барьер, взорвавшийся облаком пара. Махди, криокинет сепаратистов, вознамерился было воспользоваться почти классическим трюком своих коллег, обратив пар в лёд и сковав цель в сфере стремительно сжимающегося льда, но Аватар не дал ему такой возможности.

Переместившись к псиону «пятого» ранга в упор и заглянув тому в глаза, он, казалось, полностью парализовал жертву, тело которой начало покрываться ледяной коркой и медленно замерзать изнутри. И это происходило при том, что

сам Лжебог не прилагал к тому ни малейших усилий.

Всё, что он сделал – это искажил разум сепаратиста, выдав желаемое им за действительное. Находящийся в плену собственного разума, криокинет прямо сейчас «замораживал Имперца», упиваясь своей силой и триумфом.

И наваждение с него схлынуло лишь за миг до того, как головной мозг Махди обратился в сплошной кусок льда. Его статуя, запечатлевшая миг мнимого триумфа и последующего осознания истины, простояла лишь мгновение, осыпавшись подрагивающим ворохом снежинок.

Но Аватар не стал за этим наблюдать: он шагнул вперёд и перенёсся к основному входу на подземную базу сепаратистов.

Миг – и несколько десятков организовавших оборонительный периметр противников осели на полу, стенах и коже гражданских в виде мелкодисперсной взвеси. Техника, могучая и устрашающая, смялась, превратившись в сферы стали, пластика и резины с мясной начинкой.

Жестом разметав обломки в стороны и очистив воздух, Лжебог кивнул невольникам, выстроенным перед периметром сепаратистов, решивших воспользоваться «живой стеной».

– Прочь отсюда.

Небольшой ментальный импульс – и второй раз повторять не пришлось. Невольники нестройной толпой бросились на выход, напуганные расправой и присутствием того, кто на

это способен. Сам же Лжебог, дождавшись, пока последний человек покинет опасную зону, посмотрел себе под ноги – и сама материя начала плавиться, обращаясь в ничто.

Каждый уровень базы, – казармы, склады боеприпасов, ремонтные цеха, ангары, узлы связи, – открывался на миг перед его взором, и все сепаратисты падали замертво. Это была моментальная, безболезненная смерть. Ведь Геслер не наслаждался убийствами и жестокостью; демонстративное истребление преследовало своей целью распространение информации о возвращении Лжебога в нужном ключе.

Пройдя базу сверху донизу, Аватар расширил область своего телепатического восприятия. Четыре группы-«обманки», состоящие из солдат и псионов, одновременно осели на землю с выжженными разумами и остановившимися сердцами.

А перед пятой группой, состоящей из непосредственных высших лидеров сепаратистов, Аватар появился лично...

Выбившись из узкого, проторенного сквозь камень тоннеля, Абдулла и Амир жадно глотнули жаркий, пропахший пылью и песком воздух. За ними, тяжело дыша, вывалилась четвёрка телохранителей – два телекинета, геокинет и биокинет. Их лица были бледны под слоем пота и налипшей пыли, а взгляды скользили по окрестностям, выискивая источники угрозы.

Иссушенная равнина, редкие камни, далёкая грунтовая дорога, укрытие с джипом и натянутой поверх масксетью –

и ни единой живой души.

– Аллах милостив... – Выдохнул Амир, пытаясь протереть очки, не поцарапав их. Вернув привычный аксессуар на место, он устремил взгляд назад, туда, где уже давно не грохотали взрывы или очереди орудий. При этом гарнизон на связь тоже не выходил, что недвусмысленно указывало на его судьбу. – Один человек... как?!

– Не человек! – Прошипел Абдулла, вытирая пот со лба рукавом богатого одеяния. – Демон! Глас Иблиса! Он...

Командующий замолк, когда его глаз уловил движение. Холодный ужас сжал его горло, но не помешал отрывисто бросить:

– Джип, живее!

Телохранители бросились к машине, срывая маскировочную сеть. Биокинет распахнул водительскую дверь, пока остальные, пропустив мимо лидеров, встали между ними и появившимся в непосредственной близости силуэтом в чёрных одеждах и футуристичном, пугающем и кажущемся особенно жутким шлеме. Ни единой пылинки на тёмном облачении. Никаких признаков спешки или следов боя. Лишь давящая тишина и пульсирующая, пробегающая от края к краю подсветка визора, направленного прямо на беглецов. Это был он.

Лжебог.

Пара синхронно выпущенных мощных телекинетических волн, которых хватило бы для того, чтобы гарантированно

ранить, если не убить, любого псиона до четвёртого ранга включительно исчезла так же мгновенно, как и появилась, а сами телекинеты сжались в точки, прежде чем окончательно исчезнуть. Провалившаяся под ногами Лжебога земля не заставила того даже вздрогнуть, ибо он продолжил стоять, не имея под ногами никакой опоры, в то время как геокинета прихлопнуло парой взметнувшихся камней. Биокинет же попытался дотянуться до организма врага, но это стоило ему жизни: вся кровь в теле сепаратиста моментально испарилась, и на песок упал иссохший, перекрученный труп.

– Шайтан! УМРИ! – Абдулла вскинул позолоченный пистолет и разрядил всю обойму в голову Аватара. Но смертоносные пули останавливалась в метре перед его шлемом, где и испарялась, исходя густыми струйками дыма. В жесте отчаяния командующий сепаратистов метнул пистолет в своего врага, но тот отскочил, не долетев нескольких сантиметров.

– Это моя единственная милость, Амир. – Череп Абдуллы взорвался, обдав его советника брызгами крови и ихора. – Ты сделаешь всё для того, чтобы как можно больше твоих сторонников сложило оружие и сдалось вооружённым силам Собора. Вы смоете свои грехи своей же кровью, действуя на благо человечества.

Амир согласно закивал, пока слёзы смешивались с пылью и чужой кровью на его щеках. Он отчётливо ощущал чужое присутствие в своём разуме, и потому даже не задумывался

о предательстве. Сама эта мысль после всего увиденного и испытанного стала для него кошмарной.

Глас Иблиса? Лжебог? Воплощение Шайтана? Плевать! Амир всем своим естеством желал лишь одного: больше никогда не оказаться на пути этого жуткого существа, нёсшего не Возмездие и не Отмщение, но преследующего какие-то свои нечеловеческие цели.

Ведь альтернативой была даже не смерть – полное исчезновение, судьба куда более страшная...

По крайней мере, так казалось Амиру, чей разум уже принял чужие мысли и ментальные установки как свои родные: Аватар не жалел тех, кто, по его мнению, заслуживал гибели.

Просто в виде послушных инструментов такие люди могли принести куда больше пользы, хотя бы отчасти искупив свои прежние грехи...

Глава 11. Последний Рубикон.

Уничтожение любой восточной организации было сопряжено с очевидными трудностями, будь то значительная распределённость власти даже в рамках группировки, или фанатизм подавляющего большинства её членов.

Мало было обезглавить организацию, так как она моментально раскололась бы на тем большее число анклавов, чем крупнее был «исходник». И каждый такой анклав мог в моменте нанести ущерба куда больше, чем вся организация в целом просто в силу отсутствия долгосрочного планирования и отсутствия тех ограничителей, которые сдерживали тех же сепаратистов.

Именно поэтому Аватар не ограничился точечным ударом по верхушке или демонстративным разгромом базы. Его цель была тоньше и сложнее: за считанные часы не просто уничтожить инфраструктуру сепаратистов, а начать её перестройку, превращение из хаотичной, саморазрушительной силы в управляемый инструмент на службе Собора.

Смерть Абдуллы была не финалом, а всего лишь первым, самым грубым аккордом в этой перестройке.

Амир аль-Фариси, недавно главный стратег сепаратистов, а теперь – живой проводник воли Лжебога и главный катализатор преобразования преступной организации в нечто по-

лезное, ощущал это переформатирование как физическую боль и душевную пустоту одновременно. Все его идеалы и стремления обратились в ничто, а все уголки сознания заполнила чужая, холодная и неумолимая воля. Она выжгла прежние убеждения, и оставила лишь чёткую директиву: любыми методами обеспечить максимально возможную, массовую сдачу среди ячеек сепаратистов, которые Лжебог пока решил сохранить.

Не искоренить, а подчинить. Не разбить вдребезги, а переплавить, что было на порядок сложнее.

И наибольшей проблемой оставался фанатизм сепаратистов, который в них старательно взращивали на протяжении многих лет.

Даже лишившись центрального руководства и видя неоспоримую мощь Гласа Иблиса, многие террористические ячейки, особенно глубоко в пустынях и горных ущельях на периферии Калифата, восприняли бы прямой призыв к сдаче как предательство их веры. Им нельзя было просто приказать сложить оружие, нельзя было подчинить силой.

Их нужно было или убедить, или направить их энтузиазм в правильное русло, заменив прежние идеалы новыми так, чтобы сами сепаратисты ни о чём не догадались.

Аватар знал, что это вполне по силам Амиру, который в действительности являлся гениальным стратегом. Пойди что-то иначе, и этот человек смог бы достичь невероятных высот в любой организации. Собственно, и сепаратисты в

своём нынешнем виде существовали исключительно потому, что ключевые операции прорабатывал лично Амир. Его генний позволял извлечь выгоду даже из провала вроде того, что произошёл с Фаридом при том, что сам провал, не вмешайся в происходящее Аватар, был бы попросту невозможен: сепаратисты перебили бы членов Собора, и, фактически, одним днём пришли бы к власти в Южном Калифате через Фариду.

Тем не менее, Амиру в нынешней ситуации требовалась помощь, которую Лжебог с готовностью предоставил.

Он действовал с расчётливой жестокостью, которую страгел, сквозь застлавший тренированный разум туман чужой воли, и сам считал единственно возможным вариантом.

Те группы, которые демонстрировали исключительно слеую агрессию, отказывались от переговоров или сходу пытались пуститься во все тяжкие просто исчезали. Полностью и, как правило, без единого следа. Ни видео- и аудио-свидетельств, как с главной базой сепаратистов, ни даже тел для погребения. Исключительно пустые лагеря, нетронутые и зачищенные, куда наведывались группы Калифата, получающие координаты непосредственно от Собора.

Это пугало людей с обеих сторон конфликта, и слухи о том, что сам Шайтан прибирает к рукам неверных, распространялись со скоростью степного пожара в жаркий ветреный день.

Потому что это был не просто террор – это была демонстрация абсолютного, божественного уровня силы, про-

тив которого одинаково бессильными оказались и автомат, и пси-манипуляция, и фанатичная молитва.

Парадоксально, но именно эта тотальная, нечеловеческая беспощадность к непокорным впоследствии создавала возможности для капитуляции остальных, включая не только лишь осколки организации сепаратистов. Все разумные аналитики, политики и офицеры старшего звена сходились на том, что такая демонстративная жестокость могла сохранить множество жизней на дистанции, отчего, опять же, люди начали пересматривать своё отношение к происходящему: если поначалу Лжебог их напугал до дрожи в коленках, то теперь они начали задаваться правильными вопросами, делая не менее корректные выводы.

Даже самые убеждённые фанатики, видя, что их линия поведения ведёт к однозначному и полному уничтожению, начинали колебаться и искать контактов с правительством Калифата. А тут, словно из ниоткуда, появлялись чёткие инструкции от Амира, стратега, который, казалось, был единственным пережившим зачистку командиром сепаратистов. Его голос многое значил для офицеров среднего звена, а сулимая им защита от дальнейших вмешательств Лжебога заставляла задуматься даже самых стойких.

Это был шанс выжить. Путь в плену, пусть на каторжных работах, но – выжить. Для многих, поражённых скоростью и масштабами идущих зачисток, этого оказалось достаточно.

Но в моменте, конечно же, всё сводилось к уничтожению

групп сепаратистов, на которые указывал Амир как на самые неблагонадёжные. Он не врал, да и не мог. Мало того, что разум стратега был для Аватара даже не открытой книгой, а чем-то куда более понятным и доступным, так ещё и ментальные установки, мощные и грубые, гарантировали абсолютную лояльность стратега.

У него буквально не было стремления более сильного, чем никогда и ни в чём не выступить против Аватара.

Ну а небольшим «бонусом» было то, что эти же установки должны были превратить стратега в идиота всего за несколько месяцев – с запасом для того, чтобы мужчина поучаствовал в исполнении Плана, и самое то, чтобы обеспечить приемлемое, по мнению Аватара, наказание.

Ведь что могло быть для Амира хуже? Смерть? пытки? Отнюдь. А вот осознать себя тем, кого стратегический гений сепаратистов всю жизнь презирал и не считал за человека...

Тем не менее, время не было бесконечным, и даже со всеми своими возможностями Аватар не мог по щелчку пальцев реализовать всё задуманное. Час за часом он разбирался с «проблемой сепаратистов», попутно проверяя, насколько плохи дела у соседей Южного Калифата. Ему не нужно было ни чтобы эти государства рухнули в бездну хаоса и безвластия, ни чтобы они оказались слишком стабильными.

Посещать страны Востока чаще, чем требуется на протяжении следующих пары месяцев Аватар не желал.

«Пора».

Окинув взглядом очередную опустевшую базу сепаратистов, Аватар прислушался к собственным ощущениям и ноосфере, которая должна была вот-вот успокоиться. Это же указывало на то, что Он близок к завершению формирования своей сущности. Чем это угрожало миру? Как минимум, исчезновением воронки, что, согласно прогнозам Аватара, могло не просто встряхнуть человечество, но и уничтожить порядка сорока процентов населения на островах и сравнительно низко расположенных областях всех шести континентов.

Искажая пространство и помогая себе в этом телекинезом, Аватар в считанные минуты переместился к самой границе пока ещё буйствующей воронке. Раскинув телепатическую сеть на всю эту область, он коснулся разумов всех и каждого: в основном, конечно, учёных и военных, обеспечивающих гражданскому персоналу видимость безопасности.

«У вас тридцать минут на то, чтобы удалиться от воронки минимум на сорок километров. Опоздавших будет ждать смерть».

Он не стал подкреплять слова образами или давлением, так как одного факта контакта, по его мнению, уже было достаточно. Как минимум телепаты, коих тут было в достатке, точно донесут до своих менее одарённых коллег всю глубину их заблуждений. И даже если эти люди потратят некоторое время на споры, воздушный транспорт, на котором они сюда прибыли, играючи покроет эти сорок километров и за

десять минут.

Сам же Аватар был намерен потратить оставшееся время с пользой: начав перемещаться вдоль границ воронки, он анализировал рельеф, выстраивал прогнозы и готовился к борьбе с мощнейшим проявлением стихии, на фоне которой устраиваемые воронкой разрушения должны были стать просто детским лепетом. Ведь страшно, как правило, не само явление, а его последствия. И это было в равной степени актуально и для воронки – гигантской раны на теле планеты, в которую после её исчезновения хлынет вода. Много воды.

Настолько много, что даже Аватару было непросто предсказать все последствия этого...

«Двадцать минут».

Повторный «выход на связь» был направлен на особенных упрямцев из числа тех, кто или намеревался оставаться тут до конца, или банально пытался спасти оборудование. Таковых было не слишком много, но даже эту горсть жизней Аватар желал сохранить. Дать им шанс, ибо сюда не отправляли кого попало. Каждый второй относился к категории «лучших умов планеты», а впустую растрачивать такой ресурс было попросту нерационально.

«Десять минут».

По поверхности воронки пошли пока ещё слабые волны, указывая на безошибочность сделанных Аватаром прогнозов. Но прежде всего «ожил» Ноосфера, изменённая Им и вместе с тем оставшаяся прежней, связывающей воедино ра-

зумы человечества. Это был абсолютный источник информации, осознать который, стоит отметить, человеку было не под силу.

Он мог это сделать, а вот Аватар – уже нет. Будучи выделенной из Него частью, собравшейся в нечто цельное вокруг последних крох человечности и воли Геслера, Аватар не наследовал абсолютную мощь обновлённого Оригинала. И во многом из-за этого ему приходилось сейчас крутиться, навязывая свою волю не только силой, но и иными методами...

... которые, впрочем, сейчас не играли никакой роли, потому как помимо самого Аватара на планете было всего несколько человек, которые, теоретически, могли встать между катастрофой и беззащитными людьми. Сильнейшие псионы шестого ранга, столпы своих государств.

Но их тут не было, потому как Аватар не мог ни быстро призвать их сюда, ни должным образом проинформировать, ни даже гарантировать их выживание. А смерть столпов отдельных государств значительно всё усложнило бы в политическом плане, вплоть до начала новых войн.

«Минута».

Поверхность воронки уже начала истончаться и наливать прозрачностью. Её рост остановился, а потоки воды, прежде исчезающие при столкновении с её границами, бесильно разбивались об тускнеющую черноту. Воронка перестала быть таковой, и теперь куда больше напоминала матово-чёрный, с проблесками купол.

Но состояние это было поперечным, что Аватар всецело понимал.

Причудливых форм телекинетические барьеры, сотни и тысячи их, вырастали по периметру воронки, готовясь принять на себя ни с чем более не сопоставимый удар. Какие-то сектора оставались незащищёнными, так как там волна должна была или улечься естественным образом, или нанести не так много вреда. Иные напоминали со стороны, — для тех, кто был способен ощутить подобную концентрацию пси-манипуляций, — слоёный пирог, призванные не столько остановить, сколько ослабить удар. В отдельных местах Аватар менял ландшафт, поднимая морское дно и формируя гигантские волнорезы из спрессованных почвы и камня.

Те немногие глупцы, решившие остаться тут вопреки прозвучавшему приказу, начали поспешно ретироваться, едва до них дошло, что сам Лжебог устроил всё это не развлечения ради.

Но Аватар не обращал на это ни малейшего внимания, полностью сосредоточенный на подготовке...

Воронка как пси-явление и своего рода аномалия изначально была чем-то, что в значительной степени нарушало физические законы мироздания, и потому Геслер был готов увидеть перед собой практически что угодно... и в каком-то смысле эти его ожидания полностью оправдались.

Воронка не исчезала постепенно, продолжая удерживать тысячи тысяч тонн морской воды до самого конца. Она про-

сто резко исчезла в один-единственный миг, оставив посреди океана абсолютную, неестественную пустоту. Гигантский цилиндр вакуума, пронзившего толщу океана и земной коры, лишился защищающих его границ аномалии, и на освободившееся место наперегонки с воздухом хлынула вода.

Она хлынула со всех сторон – снизу, сверху, с боков – с такой скоростью, с какой ей никогда не доводилось перемещаться. Невероятной мощи гидравлический удар сотряс морское дно, вскипая и исходя облаками густого, непроглядного пара. Дикий первобытный гул пронизывал пространство в радиусе пары сотен километров, предвещая нечто ужасное, а ринувшаяся во все стороны мощнейшая ударная волна, прошедшая сквозь неразвёрнутые телекинетические барьеры, подхватывала технику, камни и потоки воды, словно осенний ветер – опадающие листья.

Всё это в совокупности уже являлось не чистой физикой, но последствием долгосрочного влияния на область псионики, ведь иначе описать процесс едва ли представлялось возможным.

Аватар проводил взглядом тугой столб пара и кипящих в воздухе брызг, устремившихся высоко в небо, и поглотивших одинокий вертолёт с не самым умным экипажем: те до последнего транслировали наблюдаемую картину напрямую в столицу Единого Китая.

И лишь после этого, когда вода почти заполнила пустоту, образовалась первая, самая мощная волна.

Устремляющаяся вглубь масса воды, достигнув дна, претерпела некие изменения – и повернула вспять. Вода, только что мчавшаяся вниз, сжатая чудовищным давлением столба океана над ней и разогретая до тысяч градусов миллиардами кавитационных микровзрывов, теперь с чудовищной силой выталкивалась вверх и в стороны. И гигантские водяные валы, вздымающиеся на многие сотни метров, гарантированно уничтожили бы как минимум все прибрежные города региона.

Это не было цунами в привычном понимании этого слова. Это был коллапс, обусловленный изменениями, которые Он ненадолго принёс в реальность просто по факту своего существования.

Аватар выдохнул, и, казалось, визор его шлема засиял изнутри. В этот же момент первая волна, несущая в себе воплощённый гнев стихии, ударилась о телекинетические барьеры и искусственные горы, нанизываясь на них, раскалываясь и теряя силу. К этому моменту нельзя было ничего разглядеть визуально, так как к пару добавились колоссальные ураганы и ветра, отрывающие от поверхности океана целые пласты воды и обломков.

Выброс же колоссального количества тепла – а в эпицентре вода продолжала кипеть, – не мог не вызвать очень долгоиграющие изменения в атмосфере всей планеты. И Аватар не мог ничего с этим поделать, так как все его силы, действительно все, были направлены на минимизацию вреда от спо-

собных дойти и до Штатов, и до Европы волн.

И словно этого было мало, исчезновение воронки с последующим противоестественно мощным гидравлическим ударом послужило спусковым механизмом для целой цепочки новых землетрясений по всему земному шару. Разломы, частота появления которых и без того была велика, посыпались, как из рога изобилия, а потревоженные вулканы в Тихом Океане начали неспешно чадить потоками чёрно-серого дыма.

– «Это и есть настоящее испытание и предел моих сил». – Промелькнула мысль в голове Аватара, когда уже четвёртый удар обрушился на барьеры, а потерявшая в высоте и скорости две трети волна проследовала дальше, на пустующие берега западной Африки. – «Ещё немного, и я бы не справился, а последствия коллапса возросли бы на целый порядок»...

Несмотря на то, что фактически «взять измором» Аватара было невозможно, он всё ещё был ограничен масштабом и глубиной воздействия в отдельно взятый момент времени. И когда потребовалось остановить катастрофу, эпицентром которой стала область в несколько сотен километров диаметром, возникли первые сложности.

Артур Геслер в этом воплощении уже не мог щелчком пальцев решить все проблемы до единой. Он был Аватаром, мощной, но ограниченной крупницей Изначального. Последним эхом Его человечности и данью уважения ей же.

Ему не хватало сил, чтобы обойтись без компромиссов.

Чем-то приходилось жертвовать, а что-то оставлять на откуп человечеству, как, например, ослабшие, но всё ещё представляющие угрозу волны, словно круги на воде растекающиеся по беспокойной поверхности океана. Псионны теоретически могли доделать за ним всю работу, но только в том случае, если их вовремя мобилизуют и поставят правильную задачу.

И справятся ли они хотя бы с этим Аватар гарантировать не мог.

А где-то за гранью доступного людям, Он наблюдал за происходящим, выстраивая прогнозы и планы. Всё происходящее было невероятно важным по меркам смертных, но для Него катастрофа являлась лишь несущественным возмущением, порчей и без того испорченного листа.

Потому что Он, в отличие от своего Аватара, не видел будущего для нынешнего человечества. Но наблюдал из чистого любопытства.

Ведь у Него времени, в отличие от Аватара, теперь было бесконечно много...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.